

Борис Романов

Русские волхвы, вестники,
провидцы.

Часть 1. Эпоха Рюриковичей

Борис Романов
**Русские волхвы, вестники,
провидцы. Часть 1.**
Эпоха Рюриковичей

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27096140
SelfPub; 2023*

Аннотация

Вещий Олег и безымянный киевский волхв, Василий Блаженный и псковский юродивый Николай Салос, Симеон Полоцкий и Яков Брюс, провидец Авель и Серафим Саровский, «последний волхв империи» Распутин и монахиня Люсия из португальской деревни Фатима, – таков далеко не полный перечень действующих лиц этой части книги. Книга выходит в двух частях. Эта первая часть охватывает период с IX по XVII века.

Борис Романов

**Русские волхвы, вестники,
провидцы. Часть 1.
Эпоха Рюриковичей**

Волхвы эпохи Рюриковичей.

Русские волхвы, вестник, провидцы

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен...
А. С. Пушкин «Песнь о вещем Олеге»

Древние летописи, записи участников тех или иных событий и документы минувшего сохранили для нас некоторые свидетельства предсказаний, пророчеств и откровений волхвов, юродивых, православных старцев, провидцев. Профессиональные (академические) историки лишь изредка упоминают о них. А между тем эти необычные свидетельства, быть

может, самое увлекательное и убедительное доказательство небесных истоков земных дел. Вещий Олег и безымянный киевский волхв, Василий Блаженный и псковский юродивый Николай Салос, Симеон Полоцкий и Яков Брюс, провидец Авель и Серафим Саровский, «последний волхв империи». Распутин и монахиня Люсия из португальской деревни Фатима, – таков далеко не полный перечень действующих лиц этой части книги. История России, от Древней Руси до наших дней, предстает в форме увлекательного повествования, основанного на строго документальной основе и, вместе с тем, напоминающего приключенческий роман. Знаете ли вы, например, о том, что пророчество волхва вещему Олегу отразило в целом весь ход нашей истории от самого Олега и Крещения Руси до 1917 года? Знаете ли о том, что Медный всадник в Санкт-Петербурге, торжественно открытый 7 августа 1782 года в честь 100-летия коронации Петра I, удивительным образом оказался еще и памятником этому безымянному киевскому волхву, держащему ключи времени нашей истории?

Выше я сказал о «небесных истоках земных дел» в религиозном смысле, однако это выражение имеет и глубокий (но до сих пор малоизученный) научный аспект. Удивительные ритмы истории сопровождают великие события и великих людей, и судьбы народов и стран, и исторический процесс в целом. Наш соотечественник Александр Леонидович Чижевский (1897–1964), основоположник космической биоло-

гии и гелиобиологии, еще в 1918 году защитил в Московском государственном университете докторскую диссертацию на тему «О периодичности всемирно-исторического процесса», а в 1938 году в книге «Земное эхо солнечных бурь» [43], имея в виду влияние периодов солнечной активности и циклов планет на органическую, личностную и социально-политическую жизнь на Земле, писал: *«...ожесточенные споры, вызванные данной проблемой, говорят о том, что современная наука еще не обладает достаточными силами, чтобы окончательно разрешить все сложные вопросы. Это дело ближайшего будущего, дело науки более совершенной, чем современная, более терпимой к новым идеям и новым завоеваниям человеческого гения. Можно не сомневаться, что предстоят еще замечательные открытия таких явлений, которые и не снились нашим мудрецам».*

Вернемся теперь к эпиграфу. А. С. Пушкин написал «Песнь о вешем Олеге» в 1822 году, примерно через тысячелетие от рождения легендарного Олега и через 960 лет после легендарного призвания варягов на княжение: *«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».*

960 лет – это и сакральный, и физический цикл волн и узлов истории, связанный с самыми древними календарными (а также с планетными) циклами. Все мы знаем о так называемом «восточном календаре», круге двенадцати лет (связан с периодом обращения Юпитера и лунными узлами) и

соответствующих им животных, тотемов. Многие знают и то, что этот календарь связан с восточной пентаграммой пяти стихий, каждой из которых соответствует свой цвет, так что полный цикл «восточного календаря», когда совпадают и тотем, и стихия, составляет 60 лет. Например, 2012 год – это год Черного Дракона, а перед этим точно таким же по календарным циклам был 1952 год.

Между прочим, цикл в 60 лет известен в экономической науке как «волны Кондратьева».

Любители астрологии знают и еще один древний календарь, называемый «зороастрийским», или «авестийским»; с ним познакомил нас П. П. Глоба [9]. Это цикл длительностью 32 года, связанный с древним периодом обращения Сатурна вокруг Солнца, с «золотым веком» человечества. Каждому году соответствует определенный тотем. Полный цикл этого календаря составляет 64 года, – в нем различают «теневогой» и «световой» циклы по 32 года каждый. Нетрудно посчитать, что 12-летний и 32-летний циклы совпадают раз в 96 лет (наименьшее число, делимое на 12 и на 32), а полное повторение характеристик годов восточного и авестийского календарей выпадает раз в 960 лет (делится на 60 и на 64). Нашел свое подтверждение в истории, как мы увидим, и цикл $12 \times 32 = 384$ года, тем более что он еще кратен периоду обращения кометы Галлея, о которой мы поговорим подробнее чуть позже. Известны историкам и астрологам и более короткие исторические циклы: 144 года, 120, 36, 30, 12,

8 лет, 4 года, – все они связаны с основными календарными циклами восточного и авестийского календарей и циклами некоторых планет.

Самый большой цикл – 960 лет известен, кажется, с древних времен, но до сих пор не ясно было, с какими ритмами он связан, кроме того, что это цикл так называемых «великих соединений Юпитера и Сатурна». Теперь можно уверенно сказать, что это «полный спектр» календарных ритмов древнего септенера (семи планет); самый полный потенциал человеческого восприятия года. Недаром ведь и возраст библейских допотопных патриархов близок к 960 годам: Адам жил 930 лет, Сиф – 912 лет, Енос – 905, Каинан – 910, Малалеил – 895, Иаред – 962, Енох был взят живым на небо в 365 лет (особый случай); Мафусаил, рекордсмен, жил 969 лет, Ламех 753 (или 777) и патриарх Ной, прародитель послепотопного рода, жил 950 лет. Затем, вследствие развращения человеческого рода (перед Всемирным потопом), как следует из книги Бытия, Бог решил, что «пусть будут дни их 120 лет», и ровно столько еще прожил Моисей (через тысячелетие после Потопа), но за ним библейская история показывает нам уже гораздо меньшую продолжительность жизни своих героев. В наше время можно предположить, что 96 лет – это барьер, который еще предстоит взять науке на пути продления средней продолжительности жизни.

Теперь, после этих напоминаний о календарных циклах, обратимся к истории Древней Руси (Киева и Новгорода) и

Московского царства, а затем (во втором разделе) и к истории России XVII–XX веков. По ходу нашего повествования знание этих календарных циклов поможет нам лучше понять закономерности русской истории.

Глава 1. Волхвы.

Волхвы Руси и жрецы варягов.

Основателю династии Рюриковичей посвящено огромное количество научных работ, многие из которых отчасти противоречат друг другу. Мы не претендуем на то, что изложенные в этой главе версии истории Древней Руси являются самыми точными: возможно, в каких-то деталях мы ошибаемся и некоторые профессиональные историки сочтут приведенные нами версии «дилетантскими», и вполне вероятно, эти профессиональные историки будут в чем-то правы. Однако главная цель нашего рассказа о тех давних временах заключается в том, чтобы показать, какую огромную роль – зачастую недооцениваемую как раз профессиональными историками – играли волхвы и жрецы.

Приведу точку зрения А. И. Асова, исследователя «Велесовой книги» [7]. Независимо от того, подлинна эта книга или нет, точка зрения этого исследователя на роль волхвов в истории призвания и правления Рюрика представляется весьма убедительной. Возможно, Асов не прав в том, что интерпретирует один из сюжетов Иоакимовской летописи в пользу «бодрического» (от прибалтийских славян) происхождения Рюрика. Возможно (и даже наиболее вероятно),

дружина Рюрика была норманнской (племени русь), и он сам был норманном. Однако во всей истории призвания варягов в любом случае большую роль играли именно славянские волхвы и норманнские жрецы – именно это важно для нас в контексте нашего исследования. Итак, слово А. И. Асову:

<<Известно, что прототипом Рюрика приверженцы «норманнской теории» считали многих норвежских и шведских князей-конунгов, но, видимо, это не так. О происхождении Рюрика начали спорить еще при его жизни. Новгородские волхвы называли его Эриком, подчеркивая то, что он – иноземец. «Эрик не русич!» – эти слова волхвы обращали к новгородцам. <...> Очевидно, Рюрик, претендовавший на княжение в Новгороде (по просьбе части новгородцев), утверждал, что он – русич. И не просто русич, а прямой потомок Славена – первого новгородского князя. Для этого у него были основания. Не случайно же во всех списках «Повести временных лет» Рюрика и его спутников называют варягами-русь: «Сиче бо звахуть ты варагы-русь, яко же друзни зовутся сее (шведы), друзие же оурмане (норманны), инии и готе (готы)». Почему же волхвы выступали против Рюрика? Для чего им понадобилось говорить, что он – не русич, и притом – не по крови, а потому, что он нарушает обычаи, убивая купцов? Волхвы, судя по всему, всегда выступали за древнее демократическое вечевое правление, а следовательно – против неограниченной власти князя, потому они и вступили с ним в борьбу. <...> Но это не значит, что

вечевое правление и княжеская власть всегда противоборствовали. Вече – сложный институт народовластия, наполняющий современную конституционную монархию. Княжеская власть в Новгороде передавалась по наследству, но была ограничена вечем. Князья стремились упрочить свою власть, но им мешало вече; мешала и религия (языческих богов), освящающая такой род правления. Вероятно, отчасти именно поэтому князья впоследствии приняли христианскую веру и стали искоренять в народе ведическую (языческую) веру с ее пра-демократическими идеалами.

Христианизация Руси была необходима и для установления абсолютной монархии. Один из эпизодов этой истории – борьба волхвов с Рюриком. Тогда, воспользовавшись сменной династии, они хотели укрепить свое влияние, а власть князя еще более ограничить. Вот поэтому они представляли Рюрика иноземным завоевателем, а не законным наследником. К тому же и сам Рюрик давал к этому повод: и говорил-то, наверное, по-русски с трудом, и в жены взял Ефанду из рода норвежских королей. Да и варяжская дружина его мало отличалась от норвежских или шведских варяжских дружин. И все же Рюрик не был норманном. Он действительно был законным наследником новгородского князя Гостомысла, а через него – и потомком прародителя Славена. Согласно Иоакимовской летописи, написанной первым Новгородским епископом, происходили следующие события. Гостомысл, оставшись без наследника, погибшего в борьбе с

варягами, незадолго до смерти видел сон. Ему приснилось, как «из чрева средние дочери его Умилы выросло чудесное древо». Волхвы объяснили ему значение сна: «От сынов ся иматъ наследити ему, и земля угодбится княженем его». Таким образом, Рюрик – это сын Умилы и внук Гостомысла, потомок Славена. Он ближайший родственник, который и должен наследовать княжеский престол. Не исключено, конечно, и то – что он самозванец, но это маловероятно. Иоакимовская летопись, на которую опирается гипотеза о бодрическом (прибалтийские славяне) происхождении Рюрика, мне представляется наиболее беспристрастной. Иоаким – удивительно честный историк. Ему, греку, незачем было приписывать славянское происхождение Рюрику, он писал смело, без оглядки на киевских князей; он единственный правдиво описал крещение Новгорода...>>. [7]

Здесь прервем изложение А. И. Асова. Как видно, волхвы объяснили новгородскому князю Гостомыслу его сон как будущее призвание на княжение его прибалтийских родственников, внуков или внука Умилы. После смерти Гостомысла (это было много ранее 852 года, с которого начинается «Повесть временных лет») правил легендарный Вадим Храбрый, который изгнал из Новгорода прежних варягов, взымавших с новгородцев дань: «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом... И пошли за море к варягам, к Руси» («По-

весть временных лет»: далее в тексте это название иногда будет встречаться в сокращенном виде – ПВЛ [30]). И в 862 году призвали Рюрика, а Олег был при нем жрецом и воеводой. Вскоре волхвы поняли, что Рюрик не намерен править по древним законам, и стали возмущать новгородцев против него. В 864 году Вадим Храбрый был убит, и множество его сторонников (и волхвов) бежали из Новгорода, часть из них дошла, наверное, и до Киева. Возможно, среди них был и тот безымянный волхв, который предсказал затем Олегу «смерть от коня своего».

Итак, всем известный год призвания Рюрика – 862-й. Календарные характеристики этого года полностью повторились через 960 лет, в 1822 году, – в том самом году, напомним, когда А. С. Пушкин написал свою «Песнь о Вещем Олеге»! Можно отметить и то, что через 96 лет после 1822 года, в 1918 году, гимном Белой гвардии стала как раз та самая песня «Как ныне собирается Вещий Олег отмстить неразумным хазарам...».

Мы еще вернемся и к 1822, и к 1918 годам, и к стихам Пушкина, а сейчас напомним запись 862 года, когда новгородцы позвали варягов: «Приходите княжить и владеть нами». Вокруг этой записи в «Повести временных лет» уже сотни лет ведутся споры: кто такие были эти «варяги», кто звался Рюриком и откуда он пришел в Новгород (или в Старую Ладугу), и были ли с ним братья Синеус и Трувор, или же это ошибочное восприятие летописцем древнешведской

формулы «Рюрик сине хус Трувор», что значит дословно «Рюрик с людьми своего рода и дружиной» [13] и т. д. Мы не будем углубляться в исторические расследования, отметим только, что ученые согласны с тем, что в 862 году Рюрик со своими родичами и дружиной пришел в Древнюю Русь, и что с ним был также Олег. Возможно, это были не имена, а прозвища «по должности» от древнескандинавских слов Рюрик – «хродр» – слава и «рикр» – правитель, или король, т. е. «славный правитель»; Хельга (Олег) – «находящийся под покровительством божества», или «осуществляющий жреческие функции».

Таким образом, Олег был жрецом и воеводой в той «Рюрик сине хус Трувор», что была звана на правление в 862 году. Летописная история гибели Олега – это «фактически рассказ о конфликте пришлого жреца Хельги-Олега с кем-то из местных жрецов, – волхвов» [13]. Как всякий «язычник», Олег относится к «чужому» жрецу с определенным уважением; при этом заговоренный конь – это священное животное, да и слово «князь» восходит к «конь-аз», священному единству коня и всадника.

Само слово «волхв» появляется на страницах «Повести временных лет» впервые в рассказе о вешем Олеге, в записях о 912 (6420) годе – годе смерти Олега и начала княжения в Киеве Игоря, сына Рюрика:

«И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которо-

го прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, – от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, – на пятый год помянул он своего коня, от которого волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того волхва, сказав: «Неверно говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от этого он разболелся и умер. Плакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица; есть же могила его и доньне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три». [30]

Далее в «Повести временных лет» идет пространное рассуждение о силе волхования и чародейства, об истории «языческих волхвов» от ветхозаветного Валаама до Симона

Волхва и Аполлония Тианского. В середине этого рассказа летописец дает канонический церковный взгляд на языческие чудеса: «То все попущением Божиим и творением бесовским случается – всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и крепка пребывая подле Господа и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла». Однако тут же следует дополнение:

«Бывает же, что некоторые и именем Господа пророчествуют, как Валаам, и Саул, и Каиафа, и бесов даже изгоняют, как Иуда и сыны Скеавели. Потому что и на недостойных многократно действует благодать...»

Итак, великое княжество Киевское создал Олег «вещий», т. е. прорицатель (предсказал Киеву: «Да будет это мать городам русским»), воевода и жрец из дружины Рюрика. Он начал княжить в Киеве в 882 году, заманив к себе и убив прежних неродовитых правителей из той же дружины Рюрика, Аскольда и Дира. Некоторые историки (А. И. Асов) считают, что «Повесть временных лет» здесь неточна: Дир (Дирос Эллинский) был греком, а Аскольд – варягом. В «Велесовой книге» про него сказано: *«И начал княжить над нами и стал воздем самого Огнебога, очаги хранящего. И потому отвратил он лик свой от нас, что мы имели князя, крещеного греками»* [7].

Формула «Огнебог, очаги хранящий» более всего соответ-

ствуует религии огнепоклонников – древнейшей религии, берущей начало из легендарной Арктиды, которую, согласно некоторым легендам, примерно во втором тысячелетии до нашей эры восстановил в степях южного Урала (гор Урья) Зардешт (*греч.* Зороастр). Известные остатки города-храма и одновременно древней «обсерватории» Аркаима, обнаруженные на юго-восток от Урала в конце 1980-х гг. – археологическое свидетельство тех времен.

Согласно этим же легендам, в возрасте около сорока лет Зардешт и поклонники огненного Ахура Мазды ушли на юг, после чего зороастризм затем стал государственной религией Древней Персии. Там через много веков и была записана на воловьих шкурах Авеста – 21 священная книга религии зороастрийцев.

Далее, уже не по легендам, а по известным историческим источникам, почти все эти книги уничтожили в IV веке до нашей эры воины Александра Македонского (зороастрийцы называли его нечестивым Искандером и обвиняли не столько в завоевательских походах, сколько в уничтожении жрецов, священных огней и этих книг), однако еще почти тысячу лет после этого в Персии зороастризм оставался государственной религией. Затем в VII веке нашей эры Персия была завоевана мусульманами, которые терпимо относились тогда к христианам и иудеям («людям книги»), но для зороастрийцев настали тяжелые времена. Часть из них бежала через горы Кавказа и дошла до Киева, другая часть осела

еще севернее, на территории нынешней Литвы. Существуют научные работы, доказывающие, что киевские божества тех времен (Хорс и другие) – иранского (зороастрийского) происхождения.

Таким образом, в Киеве с VIII века существовала община зороастрийцев, и, возможно, варяг Аскольд некоторое время поддерживал ее. Какое-то время он правил совместно с греком (и вероятно христианином) Диром. Может быть, эти имена оказались рядом лишь в позднейших летописях. Обратился ли Аскольд к христианству, сверг ли он Дира еще до появления в Киеве Олега – остается загадкой. Так или иначе, но с 882 года, с убийства Аскольда и Дира и восшествия на княжеский престол вещего Олега, начинается история великого княжества Киевского.

Игорь, Ольга, Святослав. Крещение Ольги.

После смерти Олега в 912 году на княжеский престол сел сын Рюрика, Игорь. Он был воспитанником Олега и женился на его родственнице из-под Пскова по имени Ольга. По преданиям, она была жрицей, и это весьма вероятно, т. к. она происходила из жреческого рода, да и древнескандинавское «хельга» означало «исполнение жреческих обрядов». В 945 году, через 33 года от начала своего княжения, Игорь погибает в землях древлян, и Ольга правит великим княжеством 12 лет, до возмужания сына Святослава, – в 945 году ему бы-

ло около десяти лет. Заметим, что восстание древлян против чрезмерной дани – первое в летописной истории Руси, – и ровно через 960 лет, в 1905 году, произошла «первая революция» в правление последнего самодержца России, Николая II. Но это к слову. Мы же подходим к важнейшему событию в истории великого Киевского княжества, династии Рюриковичей и Древней Руси.

Согласно византийским источникам, в 957 году (в 955 согласно ПВЛ [30]), после двухлетних переговоров с императором Византии Константином Багрянородным, Ольга «нашла многоценный жемчуг – Христа» (так сказано об этом в «Повести временных лет») и, по преданию, 9 (14 по новому стилю) сентября 957 года приняла в Царьграде-Константинополе крещение, что означало также заключение тесного союза с Византией.

Историки и исследователи (Б. Греков, Л. Гумилев) отмечают, что в 961 году по заданию императора западной Священной Римской империи Оттона I была предпринята попытка «перетянуть» княгиню Ольгу в католичество, для чего в Киев приезжал епископ Адальберт, но она не увенчалась успехом. На самом деле вопрос о связях Древней Руси с восточным и западным христианством довольно сложен, и слово «перетянуть», вероятно, все же не совсем точно передает реальность тех времен. Ведь разрыв византийской и римской Церквей произошел лишь в 1054 году, а что касается именно русской митрополии, то вплоть до 1448 года (когда русский

митрополит Иона был поставлен собором также независимо и от патриарха Константинополя), не было ни одного официального документа, в котором русская митрополия объявлялась бы отделенной от римского Престола.

Тем более во времена княгини Ольги выбор между западным (римским или германским) и восточным христианством был вопросом скорее политических пристрастий, чем религиозных тонкостей. Известно и то, что сама Ольга после крещения в Константинополе отправляла посольство к императору германскому Оттону I с просьбой прислать епископа и священников для крещения народа, – это входило в ее планы. Таким образом, миссия Адальберта была ответом на просьбу самой княгини [20]. Однако ожидавшегося крещения Руси тогда не произошло: то ли киевская Русь еще не была готова, то ли Адальберт и его миссия не смогли справиться со своей задачей. Уже в 962 году им пришлось покинуть Русь, причем некоторые его спутники были убиты, и сам он едва спасся.

Это неудивительно, если учесть, что не увенчались успехом и уговоры Ольги принять христианство даже своего сына Святослава. Как сообщает летопись, «он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмеялся над тем». Ольга же сказала: «Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то желание обратиться к Богу, что даровал и мне». Святослав прославился

затем своими победоносными военными походами («Иду на вы!»), в том числе полным разгромом иудейской Хазарии в 965 году.

Итак, Ольга приняла христианство в 957 году. Как считают современные историки, запись ПВЛ под 955 годом не точна, к тому же и в книге византийского императора тех лет Константина Багрянородного «Описание царского церемониала» указан именно этот год, и 9 сентября, как день, когда он принял Ольгу и ее посольство в Константинополе. Именно этот год надо считать началом истории становления христианства на Руси. Ведь так считал и ее нелюбимый внук Владимир, крестивший Русь в 989 году (именно в 989-м – мы еще будем говорить об этом). Этот год отстоит от года крещения Ольги ровно на цикл авестийского календаря ($989 - 32 = 957$), что подтверждает преемственность событий в ритмах истории. Наконец, как известно из многих источников, через тридцать с лишним лет после погребения останки княгини Ольги были обретены нетленными (останки Владимира таковыми не оказались). Все это подтверждает наше предположение о том, что 957 год явился рубежом, сакральным началом становления христианской Руси.

А теперь вспомним о тех исторических циклах, о которых мы говорили в начале главы. Прибавим 960 лет, и мы попадем в 1917 год, – роковой не только для России, но и для христианства в России! Оба этих года одинаковы по восточному и авестийскому календарям: соответственно – год

Красной Змеи и Черного Ворона. Ворон – это тотем года, а называется год по-авестийски «Тиштрия», или год Звезды, и у него кроме тотема есть еще символ – Всадник на белом коне! Не конь ли это вещего Олега и не та ли змея, которая несла ему смерть?! Остается добавить, что антитотем этого года – тоже змея! Мы не знаем год и месяц рождения самого Олега, но можем теперь сказать, что родился он, скорее всего, в год, связанный с символами Коня и Змеи.

Вот так безымянный киевский волхв, вот так начало истории Руси! Наверное, и черный ворон кружился над вещим Олегом, когда он ступил на череп своего коня... Между прочим, годы 957 и 1917 по авестийскому календарю еще и «голубовато-желтоватые» по цветовому делению: вот вам и «жовто-блакитный» флаг Украины, – прямо из древнего Киева. Да и Красная Змея принесла в 1917 году красную звезду! Но и другой образ несет нам сакральный календарь из 957 года: образ всадника на белом коне, копьем убивающего змею, – образ Георгия Победоносца. А через 960 лет, в 1917-м, – выползшая из черепа его коня «красная змея», и чапаевское «Ой ты не вейся, да черный ворон, да над моею головой» уже на подлете, а за ним, через немного лет, и «черные воронки»...

Все это, конечно, не просто некие мистические совпадения, а проявление неведомых теперь, давно утерянных знаний и силы древних Вед, которые включали в себя и древние календари-коляды, древнее небесное Коло, круговорот

небесных сил и знамений. Воистину: «Волхвы не боятся могучих владык, а княжеский дар им не нужен; правдив и свободен их вещий язык, и с волей небесною дружен...».

Песнь о вещем Олеге.

Не так все просто и с пушкинской «Песнью о вещем Олеге», написанной в 1822 году. Поэт приехал в свою первую ссылку, в Кишинев, 21 сентября 1820 года. Наместником края был И. Н. Инзов, воспитанник Н. Н. Трубецкого, известного своей дружбой с книгоиздателем и масоном Н. И. Новиковым и связями с другими масонами-мартинистами. В Кишиневе служили М. Ф. Орлов (начальник Кишиневской пехотной дивизии) и В. Ф. Раевский – образованные люди, любители истории и философии, и также декабристы. В столице Молдавии полулегально действовала масонская ложа «Овидий».

Настроения и речи молодого Пушкина тех лет хорошо известны. П. И. Долгоруков в дневниковой записи от 27 мая 1821 года записал его слова, сказанные на обеде у Инзова [21]: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король Неаполитанский воюет с народом, Прусский воюет с народом, Гишпанский – тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх». Инзов тут же перевел разговор на другие темы.

Перед этим (6 мая 1821 года) Пушкин был принят в ложу

«Овидий», однако, как известно, декабристы берегли его и не допускали до своих конкретных планов, – Пушкин обижался. А между тем еще в январе 1821 года в Москве состоялся объединительный съезд будущих декабристов, где уже было принято решение о революционном выступлении против императора и подготовке для этого военных частей.

Со времен Петра I масонские общества возникали и множились среди дворянства России. Так было и при Александре I, до 1821 года, когда ему стали известны настроения и планы будущих декабристов. После этого он резко изменил свое прежде положительное отношение к масонам и свои конституционные планы. В конце 1821 года ложа «Овидий» была запрещена – первой среди всех. Все масонские ложи были запрещены рескриптом от 1 августа 1822 года. Александр I резко менял свою политику.

Вот в этом промежутке, между первым запрещением масонской ложи и рескриптом от 1 августа 1822 года и появилась «Песнь о вещем Олеге». Император меняет свою политику, Олег – своего коня: «Но примешь ты смерть от коня своего». В черепе дворянского масонства свила к 1917 году свое гнездо «красная змея», и, раздавив этот череп дворянства своим отречением, Николай II подписал себе приговор.

Известно также, что в первых составах Временного правительства подавляющее большинство составляли масоны. Ну а ровно через 96 лет от 1822 года, в ночь на 17 июля 1918 года «красная змея» расправилась с гражданином Николаем

Романовым, со всей его семьей и близкими.

Можно вспомнить и то, что через 960 лет от начала своей летописной истории, в 1822 году Россия присоединила к себе самую большую территорию, Аляску, – а еще через 96 лет, в 1918 году по Брестскому миру потеряла эту территорию. Конечно, здесь вспоминается и распад СССР в 1991 году, но тогда действовали уже другие ритмы, – циклы лунных узлов («узлов Дракона»), о которых мы еще будем говорить в свое время.

Завершая краткий рассказ о событиях 1822 года, связанных с А. С. Пушкиным, заметим еще кое-что о тайных ритмах нашей истории. Жизнь и трагедия поэта неразрывно связаны с Петербургом, основанным Петром I в 1703 году, – а это произошло ровно за 96 лет до рождения Пушкина. И еще: город восстановил свое первоначальное имя, Санкт-Петербург, в 1991 году, – а это ровно трижды по 96 лет от его основания. В авестийском календаре эти годы называются годами Святого Духа.

Святослав и Владимир.

Княгиня Ольга умерла 11 июля 969 года. Через какое-то время после похорон ее по христианскому обряду Святослав ушел из нелюбимого им Киева в Переяславец на Дунае («Ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага»), оставив в Киеве сына Ярополка, у древлян – Олега, а в Нов-

городе, по просьбе горожан (в 970 году – по ПВЛ), Владимира – сына своего от Малуши, загадочной ключницы Ольги.

По ПВЛ, Малуша – дочь некоего Малка Любечанина, сестра Добрыни, дяди Владимира. Л. Н. Гумилев называет ее пленницей из древлянской земли; возможно, она – дочь древлянского князя, убийцы князя Игоря, мужа Ольги. По другой версии, Малуша – пленная хазарская жрица, дочь Любечанина, что, возможно, связывается с иудейским именем Малх [20]. Этот Малк-Малх, по первой (древлянской) версии, сватал Ольгу после убийства Игоря – это было в обычае более архаичных, чем киевские поляне, племен. Однако она отказала убийце мужа и, как известно, жестоко расправилась с древлянами.

Так или иначе, но здесь вмешивается какой-то рок: Владимир – единственный из трех внуков Ольги, рожденный от «вражьего племени», будь то хазары или древляне, и именно ему суждено было продолжить дело Ольги, исполнить ее молитвы.

Его отец Святослав с 969 по 972 год воевал с Византией и проиграл. До 971 года он был веротерпим и великодушен, – пока побеждал, но в 971 году он, уже отчаявшись победить христианскую Византию, посылает в Киев приказ сжечь церкви и грозит по возвращении «изгубить» всех русских христиан. Это погубило его самого: уцелевшие в его дружине христиане бежали в Киев, а сам он по дороге попал в печенежскую засаду и погиб со своими языческими воина-

ми близ днепровских порогов весной 972 года.

Сохранилось подробное описание внешности легендарного князя-воина Святослава, сделанное византийским историком примерно в 971 году [15]:

«Умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные... В одно ухо у него была вдеята золотая серьга, она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой».

Печенеги сделали из его черепа чашу, оковав его, и пили из нее. Со смерти вещего Олега прошло ровно 60 лет, – полный цикл восточного календаря. По авестийскому календарю шел год Амертат, что значит Бессмертие. На Руси остались править три его сына.

Ярополк в Киеве был сторонником мира с Византией, союза с печенегами и распространения христианства. Олег в древлянской земле был убит в 977 году в междоусобных стычках с киевлянами из-за охотничьих угодий. Владимир же в Новгороде, ведший вполне языческий, распутный и жестокий образ жизни, узнав об убийстве Олега, «испугался и бежал за море», – за варяжской подмогой.

О жизни молодого Владимира в Новгороде, вотчине древнерусских волхвов, сохранилось очень интересное свидетельство – скандинавская сага XII века об Олаве Трюггвассоне, норвежском короле (с 994 по 999 годы), который детские годы провел как раз в Новгороде, при дворе «конунга Вальдамара». В русском переводе об этом можно прочитать в сборнике «Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV веках» [14] или в упоминавшейся книге А. Карпова «Владимир Святой» [20].

Согласно этой саге, маленький принц Олав попал в Новгород, вместе с родственниками спасаясь от убийц его отца. Однако по закону, принятому тогда на Руси, в княжеских землях не позволялось жить сыновьям правителей из других земель без особого на то разрешения. Поэтому Олав воспитывался в тайне в доме своего родича по имени Сигурд. В саге рассказывается и о матери «Вальдамара» – Владимира (т. е. о легендарной Малуше): она названа колдуньей и прорицательницей, бывшей «в великой чести у конунга». Она изображена дряхлой старухой, играющей главную роль во время языческих праздников: «Ее приносили в кресло и сажали перед почетным сидением конунга. И раньше, чем люди принялись пить, спрашивал конунг мать свою, не видит ли и не знает ли она, нет ли какой-нибудь опасности или беды, которая бы грозила его земле, не хотят ли другие захватить его владения», – на что Малуша давала точные и исчерпывающие ответы.

Так вот, согласно саге, задолго до появления Олава в городе Малуша угадала его рождение и сообщила о нем сыну Владимиру. Какое-то время по прибытии королевское происхождение Олава удавалось скрывать, но затем оно все же открылось. По одному из списков норвежской саги, его королевскую харизму «учуяла» та же колдунья Малуша; по другому тексту, это произошло после того, как двенадцатилетний Олав случайно встретил на Торгу (главная площадь древнего Новгорода) приезжего варяга – убийцу своего отца или воспитателя, и, узнав его по топору в руке, выхватил этот топор и убил варяга.

Согласно этой и другим норвежским сагам, в Новгороде была «такая высокая неприкосновенность мира, что по закону следовало убить всякого, кто убьет не осужденного человека». Это немедленно грозило Олаву, и он бежал под защиту княгини Аллогии, жены Владимира (норвежки) и вынужден был открыть ей свое королевское происхождение. Она взяла его под защиту; после этого Олав девять лет служил в новгородской дружине Владимира, но потом ему пришлось покинуть Русь.

Вообще, многие скандинавские саги показывают нам не только высокое положение волхвов в Новгороде, но и то, что «пришлые» жрецы также могли быть в почете у князя и его дружины, не говоря уже о матери Владимира, ключнице Малуше, жрице и дочери кагана Малка, будь он из хазар или древлян. Но вернемся вместе с князем в Новгород.

В 978 году он возвращается в Новгород с варягами и идет войной на Киев. По пути в Киев Владимир в Полоцке убивает князя Рогволода и его сыновей за отказ его дочери Рогнеды идти за него замуж (она согласилась ранее идти за Ярополка, а Владимиру передали ее оскорбительный для него отказ: «Не хочу обувь надевать бывшему сыну ключницы»), а перед этим бесчестит ее на глазах отца и братьев по наущению своего дядьки Добрыни, воеводы и наставника и, как считают некоторые, его «злого гения». Затем он начинает осаду Киева, и тут роковую роль сыграл уже воевода Ярополка по имени Блуд, – он предал князя и заманил его в ловушку, и «два варяга подняли его мечами под пазухи» и убили. Так Владимир завоевал Киев. Он вступил в город 11 июня 978 года. Горожане спокойно приняли нового князя.

Надо сказать, что в те времена князь на Руси был скорее «властью от богов» и жрецом, чем руководителем в нашем понимании. Он обеспечивал народу связь со своими языческими богами-заступниками и защиту от внешних врагов; он собирал для этого дань и иногда творил высший «княжий суд», но никак не вмешивался в устои и жизнь людей. Если князь погибал или бывал побежден, значит, его небесные покровители оказались слабы или отступились от него; значит, следовало подчиниться князю-победителю.

Каков был князь Древней Руси, что он должен был знать и уметь? В. П. Пашуто в книге «Александр Невский» [26] пишет:

«Только первые три года жизни маленький княжич был при матери. Затем начиналось обучение «мужскому делу». Оно обязывало держать порядок – в доме и на охоте, «и в конюсах, и в соколах, и в ястребах»; постигать искусство повелевать толпой, подчинять бояр, а также тонкости дипломатии, внутренней и внешней.

Особое место отводилось ратному делу. Ему обучали многие годы: владеть конем, защитным и наступательным оружием, знать строй пеший и конный, тактику битвы в поле и искусство осады крепостей. Князь – воин, он должен в совершенстве владеть на коне копьем и мечом, дротиком, луком, булавой, боевым топором, разбираться в сложной боевой воинской амуниции. Опытный воин-лучник с седла должен был делать шесть прицельных выстрелов в минуту на расстояние до двухсот метров. Копий и стрел были десятки видов, надо было приловчиться, выбрать себе подходящие. В бою князю надлежало биться лучше всех и, конечно, возглавлять войско. Только от знаний и сметки князя зависело, какое войско брать в дело: наспех поднятый легковооруженный конный отряд – вдогон за лихими в набеге степняками или литовцами; то ли тщательно собранную тяжеловооруженную пехоту – в большой поход с осадами крепостей. Князь должен знать, как делать подкопы, сооружать осадные метательные машины «пороки», перемахивать с лестницами валы и стены, или как долго продержаться в обороне. Наконец, совладать с обозами – тоже

ратное дело, чтобы не остаться без оружия и провианта или упустить добычу. Князь должен заботиться об охране-нии и дозорах, помнить о возможной засаде; знать, как рас-кинуть походные шатры и безопасно расположить лагерь. Он должен все делать вовремя; вовремя и искусно постро-ить полки для боя и самому стать так, чтобы все видели льва на высоко поднятом цветном княжеском стяге, его зо-лотой шлем, меч с золотой рукоятью и блестящие шлемы и красные щиты его воевод. Пока блестят шлемы и реют стяги – будет непобедимо войско>>. [26]

Еще учили князей и тайным древним приемам рукопаш-ного боя, хрономагии, – когда быстрота реакции возрастает так, что движения противника кажутся замедленными, – и он в твоей власти. А также древним календарям, древним приметам, древним знаниям Вед. Для всего этого надо во-истину быть «под шеломом повиту, с конца копья вскармле-ну», и много лет провести в учебе с наставниками-воевода-ми и жрецами-волхвами. Все остальное решала в жизни и в бою сама неповторимая личность князя. Ну а кто окажется победителем в жизни и в бою – это решала еще и история, силы, неведомые смертным.

Таким победителем стал Владимир; к тому же он не был киевлянам совсем чужим. Хотя и рано отделенный и нелю-бимый отцом Святославом и бабкой Ольгой, но он был по отцу из того же рода Рюриковичей, которые княжили в ве-ликом Киеве уже почти сто лет.

Итак, Владимир сел на княжение в Киеве. «Повесть временных лет» сообщает далее, что «Владимир же стал жить с женою брата своего – гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк». До обращения князя Владимира в христианство у него были большие (до 300 наложниц) гаремы в нескольких городах, не считая кроме пяти жен). Он был жестоким, и не просто язычником, а, если верить некоторым источникам, еще и поклонником кровавых человеческих жертвоприношений (ПВЛ [30], 980 год):

«И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Даждьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими...»

Как выглядело это языческое капище, Перунов холм, при Владимире? Приведем его описание из упоминавшейся выше книги А. Карпова «Владимир Святой», написанной по результатам археологических раскопок.

«В плане капище представляет собой прямоугольник, вытянутый строго с севера на юг. Ширина его – 1,75 метра, длина – 7 метров. С севера, юга и востока имеются шесть округленных симметричных выступов, – «лепестков», представляющих собой остатки постаментов шести божествам (в Новгороде – восьми, и там горели священные

огни). Два больших достигали в диаметре 2 метров, четыре меньших – 1 метра. Примерно в метре к югу от святилища обнаружен так называемый зольник – чашеобразное углубление диаметром около 3 метров, заполненное чередующимися слоями угля, пепла и пережженной глины. Здесь находилось огромное кострище. Огонь горел непрерывно; время от времени жрецы выравнивали жертвенное место, обсыпая его глиной. Найденные в золе кости свидетельствуют о том, что в жертву приносили главным образом быков, а также свиней, птиц и рыб. Животных закалывали невдалеке, затем мясо тщательно разделялось, отдельные куски бросались в огонь, а часть туши съедали на ритуальных пириествах. Руководил священнодействием, наряду со жрецами-волхвами, сам князь. В жертвеннике найден и боевой топорик – символ грозного Перуна. Им, наверное, убивали животных. Вблизи святилища обнаружены остатки и других кострищ. Внимание археологов привлекла также небольшая округлая яма. По кругу и в середине ее некогда были воткнуты 12 кольшиков (от них остались следы-вмятины). Здесь, наверное, происходили ритуальные гадания, сопутствовавшие языческому богослужению. Святилище действительно располагалось на крутом, высоком холме...».

[20].

Ко времени утверждения в Киеве Владимир был убежденным язычником, неприязненно относившимся к христианской вере. Возможно, что и Киевом он овладел на гребне

борьбы язычества с христианством в Киеве, и отчасти использовал настроения киевлян, недовольных чрезмерными прохристианскими настроениями Ярополка. Кроме желания искоренить христианскую веру, новым князем владели еще и другие стремления: он хотел умилостивить богов за свое клятвопреступление и братоубийство при захвате Киева, – на Ярополкова Иисуса Христа он рассчитывать, конечно, не мог. Именно поэтому обычную для «язычников» терпимость к «чужим богам» Владимир в отношении христианства проявить не мог.

Так продолжалось около пяти лет после вокняжения Владимира в Киеве. Летом 983 года он с дружиной вернулся из успешного ятвяжского похода (в прибалтийские земли), где принимал участие в ожесточенных, кровавых битвах местных язычников с христианскими германскими войсками. Надо сказать еще, что в прибалтийских племенах с давних пор практиковались человеческие жертвоприношения. Может быть, поэтому после похода решено было принести Перуну человеческую жертву.

События, произошедшие в Киеве 12 июля (17 июля в пересчете по новому стилю) 983 года, круто изменили мировоззрение князя и горожан. Той ли веры волхвы, которые были при весте Олеге, служили теперь при его правнуке Владимире жестоким богам, не известно. Возможно, что это тоже были их правнуки, но теперь их пророчеств не было слышно. Впрочем, летописец под 983 (6491) годом пишет не

о волхвах как жрецах суровых богов, а о других их служителях – старцах и боярах. Приведем этот эпизод из «Повести временных лет» полностью.

«И сказали старцы и бояре: бросим жребий на отрока и девицу, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам. Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него и пал жребий, по зависти дьявола... И посланные к нему, придя, сказали: на сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, так принесем же жертву богам. И сказал варяг: «Не боги это, а дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны руками из дерева. Бог же один, ему служат греки и поклоняются; сотворил он небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека и предназначение его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же, взяв оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сених с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?» И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили». [30]

По предположениям некоторых историков, варяга-отца

звали Феодор, а сына – Иоанн. Эти двое христиан стали первыми известными на Руси мучениками за веру. В 1908 году во время археологических раскопок близ одной из стен Десятинной церкви были обнаружены остатки деревянного сооружения – разрушенный двухэтажный сруб примерно 5,5 X 5,5 метра. Предположительно это и есть тот самый дом варяга, разрушенный 12 июля 983 года [20].

Поведение своих сограждан-христиан перед лицом смерти и их кровь переполнила чашу, и разочарование в злых балтийских богах заполнило город, тем более что эти жертвы не принесли военной победы в следующем походе Владимира. Христиане греческой веры жили в Киеве если не с 845, то с 864 года, еще за сто лет до крещения Ольги, и их число постепенно увеличивалось. С тех же лет была в Киеве и небольшая деревянная церковь святого Илии, построенная еще до крещения Руси. Не позднее, чем с IX века, жили в Киеве и зороастрийцы, и хазары-евреи, однако сколько-нибудь заметной роли в жизни города они до 1039 года не играли, – но мы еще будем говорить об этом.

Опорой же волхвов и в прежние, и в эти годы были раскинувшиеся на огромные пространства земли Новгородские. В Киев они лишь навевались. Что было дальше?

Далее, чтобы найти ключ к хронологии русской истории, мы должны будем заглянуть на 700 лет вперед и рассказать о последних днях Петра I и об истории воздвижения памятника императору на Сенатской площади Санкт-Петербурга,

о Медном всаднике.

Всадник и змея.

С лета 1724 года Петр I тяжело болел. В первых числах октября того года он еще и жестоко простудился, помогая вытаскивать севший на мель близ Лахты бот с солдатами, по пояс в холодной воде. После этого он слег и уже не оправился до самой кончины 28 января (8 февраля по новому стилю) 1725 года. Хорошо известно, что утром 27-го, когда Петр Алексеевич уже почти не мог говорить, он потребовал грифельную доску и хотел начертать последнюю свою волю, но успел написать левой рукой (правая не действовала) только знаменитое «Все отдать...» (и то с трудом разобрали), и перо выпало из руки. Он успел позвать свою дочь, царевну Анну Петровну, но когда она подошла к нему, уже началась агония. Умер он на рассвете следующего дня, в шестом часу по полуночи.

Все отдать... Ровно через 96 лет после этого, в январе 1821 года, объединительный съезд российских масонов (будущих декабристов) в Москве принял решение «о свержении самодержавия путем открытого вооруженного восстания» и начал готовить его. Еще через 96 лет, 2 марта 1917 года, последний Романов отрекся от престола. Вскоре «отдали все» большевикам...

По восточному календарю это были годы Змеи, а по авестийскому эти события происходили каждый раз в конце го-

да Даэны («Испытание веры») и в преддверии года Тиштрии («Всадник на белом коне»). Опять мы видим мистическую силу древних установлений и подтверждение пророчества безымянного киевского волхва вещему Олегу, первому князю Киевской Руси!

Приготовления к торжественным похоронам тянулись так долго, что церемония была назначена только на 10 марта 1725 года. Эта дата, как мы увидим чуть ниже, очень важна. Отметим, что в некоторых справочниках приводится дата 8 (19 по новому стилю) марта, со ссылкой на историка С. Соловьева, однако зайдите в Петропавловский собор и подойдите к усыпальнице Петра I, – на ее торце написано:

«Петръ Великий

Отецъ Отчества

Императоръ Самодержецъ

Всероссийскій

и пр. и пр. и пр.

Родился въ Москвѣ 1672 года мая 30 дня

<...>

Погребенъ

въ Петропавловском Соборѣ 1725 года марта 10 дня»

Итак, усыпальницей царя избран был Петропавловский собор. Похороны были чрезвычайно торжественными и драматическими. На века остались в летописной истории России слова архиепископа Феофана Прокоповича: «Что се

есть?.. Что видим? Что делаем? – Петра Великого погребаем!» Можно сказать, что собор в Петропавловской крепости с 10 (21 по новому стилю) марта 1725 года стал в Санкт-Петербурге неким подобием пирамид Древнего Египта. С того дня и поныне должны расходиться от него во времени волны, влияющие на ход российской истории. Что за год был 1725-й в календарных циклах, о которых мы говорили в первой части нашего исследования, в циклах восточного и авестийского календарей? В январе еще шел год Дракона по восточному и год Даэны («Проверки совести и веры») по авестийскому календарю. 10 (21 по новому стилю) марта шел уже «восточный» год Змеи и это был первый день авестийского Всадника на белом коне (другой тотем этого года – Черный Ворон).

Вспомните памятник Петру Великому на Сенатской площади – Медного всадника, и его коня, попирающего копытом змею. А также «Повесть о вещем Олеге» А. С. Пушкина, и «Повесть временных лет» летописца Нестора, в которой под 912 («В годъ 6420») годом записана удивительная история о князе Олеге, его коне и змее...

Выше мы отметили, что похороны Петра Великого пришлось на 10 (21) марта, первый день древнего солнечного календаря – день весеннего равноденствия. Ранее он приходился на 20 марта, а теперь и на 22 марта, однако в 1725 году весеннее равноденствие было именно 10 (21) марта.

С древнейших времен у всех народов день весеннего

равноденствия почитался как главный праздник бога-Солнца. До сих пор у мусульман и зороастрийцев (и у русских «неоязычников») это главный праздник, отмечаемый много дней подряд.

Вот что сказано об этом дне в древнем авестийском (зороастрийском) календаре, по тексту его популяризатора П. П. Глобы: *«Великому огню Хормазда, который Он зажег в мире для спасения творения от сатаны, поклоняемся мы. Всем святым и всем предкам всеблагим, появившимся от начала веков, поклоняемся мы... В день Хормазда пей вино и весельсь»* [9]. Хормазд – Творец всего сущего авестийского пантеона богов. Подчеркнем, что в этот день по представлениям всех «народов-язычников» нельзя грустить и предаваться унынию; тем более нельзя хоронить человека в этот главный праздник года. 10 (21) марта 1725 года начинался авестийский год Тиштрии (соответствует Гермесу-Меркурию у греков и римлян, и Богу Слова у зороастрийцев), символ которого – Всадник на белом коне, а тотем (священное животное) – Черный Ворон. С февраля 1725 года шел также год Змеи по восточному календарю.

Можно совершенно определенно утверждать, что с точки зрения «языческих» жрецов год Всадника на белом коне был в России с тех пор осквернен, и Всадник намертво связал свою судьбу со Змеей. Но и сам день весеннего равноденствия с тех пор получил на Руси злую мету: поздно вечером 10 (22) марта 1801 года был убит в Михайловском замке Па-

вел I (собор-то Петропавловский!), точно в день весеннего равноденствия 8 (21) марта 1917 года был арестован последний российский император Николай II. Этот список можно продолжить и в большевистскую пору. С христианской точки зрения погребение Петра Великого тоже было кощунственно – собственно, потому, что погребения в тот день не было. «Петр Великий оставался и по смерти ожидать окончания строившемуся храму: гроб его со времени отпевания в 1725 году (а затем и гроб Екатерины I после ее кончины) стояли в отделявавшемся соборе закупоренные, на великолепных катафалках и под балдахином до 12 мая 1731 года, когда, наконец, были преданы земле» [27].

Ранней весной 1725 года, почти сразу после «погребения» Петра Великого, началось всеобщее бегство горожан из Петербурга. Вот как описывает это изданная к 200-летию города книга «История города Санкт-Петербурга 1703–1903»: «Прежде всего спешили покинуть берега Невы лица придворного общества, сановники, дворяне, с семьями и имуществом – кто в Москву, кто в провинцию. За ними потянулись купцы, мелкие торговцы, ремесленники. Петербург в короткое время опустел наполовину...» Улицы зарастали травой, город приходил в запустение. В 1729 году Петр II, хотя сам недолюбливал новую столицу, принужден был силой возвращать в город людей торгового и ремесленного звания и брать с них подписку из Петербурга не выезжать до особого указа, под страхом изъятия всего имущества и ссылки на

каторгу. Однако и сам Петр II в свое кратковременное царствование (1727–1730) вместе со всем двором переселился в Москву.

Четыре года Царский двор вообще не бывал в новой столице, и сам ее столичный статус был призрачен. Только 16 января 1732 года коронованная ранее (28 апреля 1730 года) в Москве Анна Иоанновна торжественно въехала в Санкт-Петербург, и жизнь в нем снова началась. Произошло это, волею случая или небес, только после того, как был погребен в Петропавловском соборе Петр Великий.

Конечно, историю запустения Петербурга 1725–1732 годов можно объяснить без всякой мистики: просто прекратила править в городе на болоте твердая длань Петра, вот и начал разбегаться народ. Однако вернемся к рассмотрению ритмов истории, и мы увидим, как мало места остается «случайностям» и как много зависит от этих ритмов!

Итак, в первый календарный день года Всадника и Змеи, 21 (по новому стилю) марта 1725 года, Петр Великий нашел свой покой в усыпальнице собора Петропавловской крепости. Прибавляя 96 лет, попадаем в 1821 год. Что произошло тогда?

Как мы уже упоминали, прибывший в ссылку в Кишинев А. С. Пушкин в 1822 году написал «Песнь о вещем Олеге».

Напомню еще раз, что «Песнь...» написана по мотивам реальных событий, записанных в «Повести временных лет» под 912 годом («в лето 6420»), Ну а в 1821–1822 годах им-

ператор Александр I меняет свою политику, как некогда легендарный Олег – своего коня. «Но примешь ты смерть от коня своего!» – не об этом ли невольню, по вдохновению, предупреждал поэт императора? Или всю Россию? Конечно, декабристы, как известно, берегли Пушкина и не посвящали его в свои планы. Но он, по Божьему промыслу, глубже всех понимал историю России, и прошлую, и будущую.

Роковой для России 1917 год согласно восточному календарю называется годом **Красной Змеи**, а по не менее популярному авестийскому календарю – годом **Всадника на белом коне**. Вот такое совпадение! Впрочем, совпадение ли?

Наверное, все это не просто мистика, а проявление давно утерянных знаний, в том числе и древнерусских, которые включали в себя и древние календари-коляды, древнее небесное Коло, круговорот небесных сил и знамений.

Однако след «Красной Змеи» известен и на Западе. В 1999 году вышла книга Ю. Ю. Воробьевского «Путь в Апокалипсис: шаг Змеи». Вот что он пишет в начале главы, которая называется «Некто на франкском коне»:

«В 1967 году в Парижскую национальную библиотеку пришла небольшая брошюра. Она называлась «Красная змея» и, казалось, могла заинтересовать только специалистов. Речь шла о генеалогии и тайнах рода Меровингов, принявших королевство франков в раннем Средневековье. Одно из тринадцати напечатанных в книге стихотворений было странным. В нем говорилось о красной змее, «упомянутой

в пергаментях», которая раскручивает свои кольца сквозь века». [8]

Быть может, именно этот образ змеи, которая «раскручивает свои кольца сквозь века», связан с открытыми нами циклами в 96 и 960 лет?

Не могу сказать, что, прочитав книгу Ю. Воробьевского, я понял тайну «Красной Змеи» во всех ее апокалиптических ипостасях. Я не верю, что всю мировую историю можно объяснить теорией заговоров, или даже развитием одного, «масонского» или, как теперь выражаются некоторые известные политологи, «хасидо-парамасонского» заговора. Кстати, прекрасную картину «масонского» заговора времен Николая I нарисовал в своей книге «Мистики и охранители» Я. А. Гордин [10]. История «доноса на всю Россию» (по определению самого Николая I) показана Гординым в высшей степени подробно, достоверно, увлекательно и умно. Приведу здесь одну цитату из этой книги, с последней ее страницы:

«И тем не менее, быть может, не стоило бы уделять такого внимания князю Андрею Борисовичу Голицину, если бы на пространстве его доноса-трактата не пересекались столько сюжетных линий, образующих в совокупности рисунок силового поля эпохи, и если бы сам князь не являл собой клубок противоречий – мистик, обличающий мистиков, искренний патриот, чье искаженное темным мистицизмом сознание выворачивало наизнанку постулаты здорового патриотизма, участник сомнительных радений, ра-

тующий за официальное православие, вольнодумец, способствовавший разгрому Петербургского университета, европейски образованный человек, страстно декларирующий пагубность просвещения»...

Я думаю, что современные сторонники теории заговоров так или иначе, каждый на свой манер, повторяют ошибки Голлицына и его «доноса на всю Россию», теперь уже и «доноса на весь Божий мир». В самом общем плане, скорее, через заговоры, как и через всю историю, проходят и проявляются циклы времени, циклы космических сил, циклы «небесного воинства», а в конечном счете воля Божия, которой и подчинено все сотворенное в нашем мире, в том числе и «небесное воинство», космические силы. Все в Божией власти.

Правда, по выражению, кажется, папы Льва VI, «Бог не может бывшее сделать небывшим», хотя политики и некоторые историки время от времени пытаются это сделать.

Еще один удивительный, полный мистики исторический эпизод, связанный со Всадником на белом коне, произошел в трагический день атомной бомбардировки Хиросимы 6 августа 1945 года. Известно, что для точки наводки атомной бомбы в Хиросиме был выбран мост Айои через реку Ота, почти в центре города. Утром 6 августа, в 8 часов 15 минут наводчик-бомбардир майор Том Фирби сообщил командиру самолета «Энола Гей» полковнику Полу Тиббетсу (самолет был назван в честь матери Тиббетса), что «цель в прицеле». Створки бомболюка раскрылись и в 8 часов 15 минут 17 се-

кунд первая атомная бомба пошла к цели. В этот самый момент на мост Айои въезжал легкой рысью... **всадник на белом коне!**

Это был молодой корейский принц РиГу на снежнобелом жеребце. В то утро он направлялся в штаб японского фельдмаршала Хата, куда был прикомандирован.

Эта деталь упомянута среди многих подробностей того утра в Хиросиме в книге И. Л. Бунича «Второе пришествие в гневе» [4]. Сам Бунич, насколько мне известно, не знал о мистической символике «Всадника на белом коне», хотя, наверное, помнил, что в Откровении Иоанна Богослова это первый из четырех «Всадников Апокалипсиса», который «вышел как победоносный, и чтобы победить»...

В 8 часов 16 минут бомба взорвалась над городом. В эту минуту над мостом, над всадником, над атомным грибом, в зените неба стояла планета Уран, а над ней, в бесконечной вышине – звезда Ригель («Пята Ориона») созвездия Ориона, – того самого созвездия, форму которого повторили за чем-то египетские жрецы и строители семью Великими пирамидами на плато в Гизе.

Всадник на белом коне мгновенно превратился в ничто, в огненный пар. Вместе с ним в ту же первую минуту атомной эры погибло около 80 000 человек, сотни тысяч умерли в последующие дни...

Как понять эту загадочную символику? Почему в перекрестье прицела «Энолы Гей» в момент сброса атомной бом-

бы оказался всадник на белом коне? Конечно, бомбардир Том Фирби вряд ли заметил его с высоты десять тысяч метров, но ведь в тот момент, когда он воскликнул «Цель в прицеле!», всадник въезжал на мост! Я не знаю ответа на этот вопрос. Возможно, эта символика означала, что человечество в августе 1945 года находилось у черты Апокалипсиса: собственно, И. Бунич в своей книге и подводит к этой мысли. Если бы не атомная бомбардировка Хиросимы, то Сталин, по мнению автора, вскоре развернул бы войну в Европе с бывшими союзниками, а американцы в ответ на это подвергли бы атомной бомбардировке не Хиросиму, а Москву. После Хиросимы Сталин отправил карты будущей войны с союзниками в архив, а американская руководящая элита, испугавшись рвения своих генералов, долго не препятствовала «утечке» атомных секретов в СССР, чтобы у генералов не было соблазна применить это оружие снова. Но это все же только версия автора «Второго пришествия в гневе». Вернемся к более давней истории.

* * *

Начнем с XVI века – с этого века наша история известна хорошо, во всех подробностях. Так вот, годы Змеи и Всадника образуют тогда следующую цепь: 1533–1629–1725–1821–1917–2013 годы.

В 1533 году был провозглашен царем трехлетний Иоанн Васильевич, будущий Иоанн IV, Грозный, – вот он, первый русский царь, начавший свой царский путь в год «Змеи» и

«Всадника»! В 1629 году родился Алексей Михайлович, сын первого из династии Романовых, отец первого императора России, Петра. Между прочим, именно в его правление, как считают некоторые историки, масоны начали постепенное проникновение в Россию, ну а расцвет масонства начался, как мы знаем, именно после правления Петра Великого! В начале 1725 года умер Петр I, – сам «Всадник» и, заметим, первый покровитель возникшего при нем и с его участием российского масонства. Александр I «поменял» своего коня (начал запрещать масонов) в конце 1821 года, – ровно через 96 лет грянул роковой 1917 год. Значит, еще через 96 лет, в 2013 году, мы можем ждать нового обновления, нового крупного поворота всей нашей истории. Ну а куда поведет нас новый поворот, это все же, слава Богу, зависит отчасти и от нас самих...

Андрей Белый написал в своем «Петербурге» о памятнике на Сенатской следующие строки: «Медный Всадник не только божество Петербурга, он наполнил своим духом, своим бытием всю Россию, связал со своей судьбой судьбу великого народа».

Другими словами, еще более близкими к нашему времени (и теме нашего исследования), выразил те же мысли в 1955 году вестник России Даниил Андреев [1]:

«Другого изваяния, столь наполненного еще неразгаданным смыслом, в России нет. Словно отрезок метафизической оси, проходящей сквозь миры разных координат... Как

щемит и замирает сердце на пороге этих пучин!.. Там, в облаках, на плавно полыхающем пьедестале, мчится белый колосс на коне. Это – не памятник, не монумент. Это – эмблема великой идеи, указание на направленность исторического пути».

Олег, Игорь, Ольга, Святослав, Владимир: хронология.

Итак, Медный всадник попирает копытами своего коня змею – и оказалось, что это памятник не только Петру I, но и... безымянному киевскому волхву, предсказавшему вещему Олегу «смерть от коня своего». Могу предположить, что звали этого волхва Вакула – как и последнего московского волхва, жившего еще во времена Юрия Долгорукого, в XII веке. Имя Вакула ведь связано еще и с древнерусским «валуном», – вот и оказался в основании Медного всадника огромный гранитный валун, Гром-камень (по другим сведениям, Конь-камень).

Когда родился вещий Олег? Год его рождения должен быть связан с символами или тотемами Коня и Змеи, а также с символом Клятвы, Закона, договоров, – ведь в ПВЛ под 907 и 912 годами много рассказывается о клятвах и договорах, которые князь заключил с греками. В авестийском календаре есть год Митры, связанный с клятвой, законом, договором, и тотемом этого года как раз является Конь («Конь

Митры»), В IX веке годами Митры были 805, 837, 869 годы. Из них может подойти только 837-й. Тогда в год призвания на Русь (862) Олегу было 25 лет, в год вокняжения в Киеве (882) – 45 лет, в год пророчества волхва (903) – 66, и умер он в 75 лет, в 912 году. А какой тотем 837 года по восточному календарю? Змея! Вот все и сошлось. Можно установить и точную дату его рождения. Не буду утомлять читателя сложными астрологическими выкладками, скажу сразу, что он родился 10 апреля 837 года. В нашем веке солнце проходит тот же (25-й) градус знака Овна 14 апреля.

Но когда же родился легендарный Рюрик?

Что мы знаем о хронологии его жизни? В 862 году пришел в Новгородские земли; в 879 году умер: «Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу – родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал» [30]. Из ПВЛ же мы узнаем, что в 882 году Игорь был еще мал, т. к. Олег от берега Днепра пошел в Киев, неся младенца Игоря на руках. Значит, тогда ему вряд ли было больше пяти лет. Вероятно, Игорь родился около 877 года. Сколько лет могло быть тогда Рюрику? Наверное, не больше шестидесяти. Значит, мы должны поискать дату его рождения в 817–818 гг. При этом в его гороскопе должны быть явные указания на призвание на Русь в 862 году, на рождение ребенка около 877 года и на естественную смерть в 879 году. По этим трем точкам я нашел такой гороскоп: 7 (11 по новому стилю) февраля 818 года. Это был авестийский год Сокола и год Петуха

по восточному календарю. Солнце его рождения было в 23-м градусе Водолея: самом «российском» из всех водолейских градусов.

Итак, Рюрик был призван «володеть и княжить» в 44 года; Игорь родился примерно на 59-м году его жизни; умер основатель династии в 61 год.

Теперь уточним, когда родился Игорь Рюрикович, которого историки называют еще Игорем Старым, чтобы не путать с тезками. Что о нем известно такого, что дало бы ключи к календарным ритмам и священным тотемам календарей? Мы знаем, что он был убит древлянами в 945 году, когда вторично, против обычаев, пошел собирать с них дань. Посмотрим на тотемы авестийского календаря в 875–878 годах, – когда он мог родиться? Тотем 875 года – Белый медведь, тотем 876 года – Орел; 877-го – Лисица, 878-го – Дельфин. Пожалуй, это в поवादках «лисицы» – возвращаться в тот же «курятник»; а по восточному гороскопу 877 год был годом Петуха. Это, конечно, полушутливый подход к загадкам хронологии, но, во-первых, в каждой шутке есть доля правды, а во-вторых, много раз уже проверено, что священные календарные тотемы очень сильно проявляются в жизни ярких людей! Не рискну утомлять читателя более серьезными рассуждениями и назову результат астрологического анализа: Игорь Рюрикович родился в Новгороде 14 (18 по новому стилю) августа 877 года.

Женился Игорь на жрице Хельге-Ольге в 903 году, будучи

26 лет от роду (она была лет на 8-10 моложе). Княжить стал по смерти Олега, в 35 лет. Был убит в 945 году, в возрасте 68 лет.

Теперь о его не менее легендарном сыне, Святославе Храбром. В ПВЛ под 964 годом сказано: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус, и много воевал». Пардус – древнее название гепарда, которых в те времена держали князья для охоты. В авестийском календаре на 32 года есть год Шахривара («Великий воин»), священный тотем которого как раз и есть гепард! В X веке это были 902, 934, 966 годы. Очевидно, нам подходит только 934 год. К тому же по восточному календарю это год Лошади. Помните из популярных брошюр «Лошадь – честный человек»? Вот еще откуда легендарное честное «Иду на вы»!

В марте 956 года Святославу исполнилось 22 года. Это год рождения его сына от загадочной то ли древлянкой, то ли хазарской жрицы, ключницы Малуши. 956 год по авестийскому календарю год Даэны («Проверка совести и веры»), а по восточному – год Дракона. Кроме того, прошло 960 лет от года рождения Иисуса Христа. В такой год родился Владимир Святославович, будущий креститель земли Русской 12 (17 по новому стилю) июля в селе Будутине (то ли под Псковом, то ли под Киевом), куда разгневанная княгиня Ольга выслала провинившуюся ключницу.

Родился младенец под счастливыми звездами: и великий

Сириус стоял над Марсом, и магический Акубенс над Плутонем, и Зосма («Лапа льва») над восходящим Узлом, и звезда «живой воды» Сададьмелек, и другие... Однако над Крестом Судьбы его гороскопа стояла при рождении звезда бесмертного брата Поллукс, и это означало, что только через предательство и смерть своих братьев Владимир сможет высидеться в Киеве.

Хронологические изыскания и данные гороскопов рождения русских князей позволяют многое уточнить в жизни каждого из первых Рюриковичей и в истории древней Руси, но это тема для отдельного исследования. Возможно, мы ошибаемся в гипотетических датах рождения Святослава и его сына Владимира, и я не настаиваю на абсолютной точности этих дат. Гораздо более важными для нашего исследования будут даты, которые мы назовем в следующей главе.

Мы расскажем о главном деле жизни Владимира Святославовича, которое совершил он в 33 года, в возрасте Иисуса Христа, – если мы все же правы в определении даты его рождения.

Глава 2. Крещение Руси.

Конечно, убийство двух варягов-христиан 12 июля 983 года само по себе не могло пошатнуть устоев старой веры. Но к этому времени очень многое сошлось в Киеве для особого восприятия беспримерного упорства отца и сына. Прежде христианство должно было казаться горожанам и князю чужой религией слабых духом людей или преимущественно женщин. Киевляне, как и многие к востоку и югу от Византии (хазары, мусульмане), считали, что христианство смягчает дух и мужество воина. Христианство исповедовала бабка Владимира, не любившая внука от ключницы, княгиня Ольга и вдова его не слишком мужественного брата Ярополка, преданного и убитого им.

Но теперь киевляне и князь по-другому увидели христианство – как религию сильных людей, спокойных перед лицом смерти, способных к самопожертвованию во имя своей веры. Любой из киевлян-язычников безропотно отдал бы своего сына в жертву Перуну, но неожиданно оказалось, что есть Бог сильнее его, и сам Перун ничем не смог проявить свою волю – христиан убили сами люди. Примечательна и личность самого Владимира: он был способен к глубокому мышлению и смелым, но не безрассудным решениям. Надо учесть, что к этому времени соседние и наиболее близкие к

Киевской Руси славянские народы – дунайские болгары, чехи, поляки – уже были христианскими. Славянская миссия Кирилла и Мефодия получила ранее благословение как римского папы, так и константинопольского патриарха, и объединяла славянский мир в христианстве. Русь одна оставалась «языческой». А ведь в те времена славянский язык почти не отличался у русичей, болгар, сербов, поляков. Церковные службы у славянских соседей уже несколько десятков лет велись на славянском языке. Известно и то, что кириллическое письмо использовалось на Руси еще до принятия христианства. А ведь каждый алфавит несет в себе сакральный заряд той веры, в которой он создан.

Но Русь граничила не только с христианскими соседями. Волжские болгары давно были обращены в мусульманство, а южнее их, ближе к Каспию, за Волгой, оставались нетронутые Рюриковичами хазарские каганаты (малая часть от прежде великой Хазарии), уже три века исповедовавшие иудаизм.

Из «Повести временных лет» известно, что в 986 году («в лето 6494») в Киеве побывали послы мусульман, иудеев и западных христиан. Ранее это событие считалось легендой, но современные историки считают его весьма правдоподобным. В 985 году был заключен мир с волжскими болгарами, и Киев затем обменивался с ними посольствами. Эти и другие обстоятельства, сопутствовавшие легендарному «выбору веры», хорошо изучены и подтверждают подробный рассказ

ПВЛ. Однако хронология крещения Владимира и крещения Руси в последние годы уточнена новыми исследованиями.

Тысячелетие крещения Руси отмечалось нами в 1988 году, хотя на этот счет давно уже существуют разные версии. Наиболее убедительными мне кажутся исследование А. Ю. Карпова [20], на которое мы ранее уже ссылались, и работа астрофизика А. М. Чечельницкого [42]. Оба автора пришли к выводу, что год крещения Руси – 989-й.

Чечельницкий исследовал не только все известные по этой теме летописи и комментарии, но и астрофизические свидетельства тех времен, т. е. упоминаемые в некоторых летописях природные явления (как извержения вулканов, землетрясения) и «небесные знамения» (кометы, явления «огненных столбов» и др.). Такой анализ позволил ему уверенно назвать две важнейшие даты (по юлианскому стилю):

6 августа 987 года – крещение Владимира в своем княжеском поместье Васильево под Киевом, в день Преображения Господня;

15 августа 989 года – крещение народа (Руси) в Киеве, в день Успения Пресвятой Богородицы.

Между прочим, в тот август (и тот день), согласно некоторым летописям, на востоке была видна «копьевидная звезда» – это была комета Галлея, которая раз в 76 лет появляется вблизи Земли. Последний раз она была хорошо видна в небесах в середине апреля 1986 года – за несколько дней до Чернобыльской катастрофы.

Явление кометы («волосатой звезды») летом 989 года отмечалось во многих летописях и хрониках – китайских, армянских, арабских, византийских. Это довольно редкий случай, когда небесное знамение («бич божий») так согласно фиксируется в самых разных рукописях. Комета была видна с середины лета по октябрь, а в армянской хронике Степана Таронского (Асохика) особо отмечен день ее максимального свечения: «в 15-й день месяца кхалоца – в праздник Успения Всесвятой Девы Богородицы» [42]. Упомним, что Армения и Грузия были крещены еще в IV веке святой равноапостольной Ниной.

Комета Галлея занимает особое место среди других комет, время от времени являющихся на небосводе. С древнейших времен принято считать, что ее появление каждый раз предвещает яркие, переломные события истории – человечеству, народам или царям. Она приближается к Земле раз примерно в 76 лет, но не в каждое ее возвращение бывает видна.

Видели ли ее в Киеве 15 августа 989 года? В «Повести временных лет» читаем:

На следующий же день вышел Владимир с попами царицынскими и корсунскими на Днепр, и сошло там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы. И была видна радость на небе и на земле по

поводу стольких спасаемых душ...

Понятно, какую «радость» можно было видеть на земле. Но какая «была ВИДНА радость на небе» (при этом слово «видна» выделено в самом тексте ПВЛ)? Только ли невидимая духовная? Или все воочию видели какие-то небесные знаки? И далее, как подметил тот же А. Чечельницкий, Владимир обращается не к царицынским или корсунским священникам, или иконам в их руках, а к небу:

Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, воззрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны...»

Конечно, здесь можно возразить, сославшись на запись той же ПВЛ от 1065 года о той же комете Галлея:

Пошел Святослав на Ростислава к Тмуторакани. В те же времена было знаменье на западе, звезда великая как бы с лучами кровавыми; с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было семь дней. Знамение это было не к добру... ибо эта звезда была как бы кровавая...

Однако довод, что в другом месте летопись рассказывает о комете, все же «о двух концах»: дело в том, что на Руси (да и во многих странах) появление комет всегда считалось предвестником несчастий, а уж особенно если они были «с кровавыми лучами». В зарубежных хрониках о комете 989 года о «кровавости» не говорится, но само явление связывается

с последующими несчастьями – землетрясением в Греции, раздорами и смутой в Византии и т. д. Возможно, именно по этой причине летописец ПВЛ решил не упоминать прямо о небесном знамении в великий день крещения Руси 15 августа 989 года, а ограничился лишь словами о «радости на небе».

Первую церковь в Киеве Владимир поставил еще до крещения народа, в честь святого Георгия Победоносца, память которого отмечается 23 апреля, после своей недавней победы под Корсунью. Как видим, образ Всадника впервые появился перед крещением Руси. Вскоре после крещения и свержения прежних идолов Владимир ставит еще одну небольшую деревянную церковь на Перуновом холме во имя своего небесного покровителя святого Василия, именем которого он был наречен при крещении 6 августа 987 года.

Однако, как считают и летописцы, и а также и современные историки, подлинным символом и памятником крещения Руси стала Десятинная церковь Пресвятой Богородицы. Владимир начал ее строительство в 991 году на месте гибели мучеников-варягов, отца и сына, убитых 12 июля 983 года. Храм строили и затем украшали в течение пяти лет специально приглашенные греческие каменотесы и живописцы, которым помогали русские мастера. Осветили храм 12 мая 996 года – как символ преемственности Руси и Византии, т. к. 11 мая в христианском календаре отмечался день «бытия богохранимого и святого Константинограда», т. е. день

основания императором Константином Великим града Константинополя 11 мая 330 года. Нельзя не заметить, что эти события разделяют ровно 666 лет.

Однако 996 год в истории мира знаменателен тем, что именно в том году исполнилась тысяча лет от действительной даты рождения в Вифлееме Иисуса Христа. Известно, что Он родился на несколько лет раньше «новой эры», и Церковь никогда не отрицала это. Многие исследователи считают, что Он родился в 5 году до н. э. В своей книге «Астро-Библия» [33] я установил дату 21 (23 по новому стилю) сентября 5 г. до н. э. Таким образом, церковь Богородицы была освящена в Киеве точно в год тысячелетия Рождества Христова!

Знаменательно, что, прибавляя к 996 году главные сакральные календарные циклы, 384 (12 X 32) и 960 лет, мы попадем в важнейшие для нашей страны события. 1380 год – это Куликовская битва, 1956 год – это год XX съезда КПСС, поворотный год в истории СССР, год начала разрушения мирового коммунистического и «рабочего» движения. Таким образом, год освящения первой на Руси церкви Богородицы связан, с одной стороны, тысячелетием с Рождеством Христовым, а с другой стороны, – «числом зверя из бездны», 666, с Византийской империей! История творится людьми, а душа каждого человека есть поле битвы между добром и злом.

Известно, что после крещения Владимир старался следо-

вать христианским заповедям, и это удавалось ему, может быть даже более, чем кому-либо из правителей Руси и России во всей последующей истории. Однако хорошо известно и то, что до крещения он выделялся многими грехами (похоть и распутство, многоженство, клятвопреступления и намеренное братоубийство, человеческие жертвоприношения языческим богам). «Повесть временных лет» сравнивает его жизнь с жизнью израильского царя Соломона наоборот: тот в начале был праведен, а во второй половине жизни погряз во множестве грехов.

Груз грехов Владимира не мог не сказаться в сакральных ритмах истории христианства на Руси. Оказали ли этот груз и эта магия чисел роковое влияние на судьбу Русской Православной Церкви?

Раскол Церкви начался при патриархе Никоне в 1654 году и достиг пика в 1662 году, – ровно через 666 лет от освящения первой главной церкви Руси... Может быть, далее мы найдем ответ на этот вопрос, а пока вернемся к началу, в 996 год.

Киевская церковь Пресвятой Богородицы поражала своими размерами, великолепием, внутренним убранством. При ее освящении Владимир устроил грандиозный праздник и пиршество на весь город и раздавал щедрую милостыню. Храм был посвящен Успению Божьей Матери, которое отмечается 15 августа, в день крещения Руси. С тех пор этот праздник отмечался как главный, и большинство первых

церквей в других русских городах также были посвящены этому празднику и названы Успенскими. Пресвятая Богородица, чья икона (написанная по преданию самим евангелистом Лукой) украшала эту главную киевскую церковь, стала защитницей и покровительницей Киева, а затем всей русской земли и России.

Здесь мы подходим к важнейшему узлу нашего рассказа, который переносит нас в XX век, вновь на 960 лет от начала христианской истории Руси, от крещения Ольги в Константинополе в 957 году, т. е. в роковой 1917 год. Напомним, что княгиня Ольга была крещена императором Константином Багрянородным и получила христианское имя Елена, в честь матери императора Константина Великого, т. е. еще в 957 году очевидные обстоятельства и невидимые нити связали нашу историю со «вторым Римом», Константинополем, а затем, со времен Владимира, со святым именем Богородицы. Но и Ольга крестилась 9 сентября, около дня рождения Богородицы. Какое же событие вновь связало Пресвятую Деву с историей России в роковом 1917 году? Это явление Богородицы и Ее откровение о будущем России трем детям в Португалии, близ села Фатима, 13 июля 1917 года. Но прежде чем рассказать об этом величайшем чуде XX века, мы должны продолжить наше исследование до этого времени.

Глава 3. Гибель волхвов?

Не только Православная Церковь, с 1254 года называющая князя Владимира Святым, но и все историки согласны в том, что после крещения он приложил все возможные усилия, чтобы жить в согласии с христианскими заповедями. Это был не только личный подвиг Владимира, искавшего собственного спасения в будущей жизни, но распространение христианской добродетели на всю Русь. Так, если говорить об искуплении грехов милосердием, то он не просто подавал щедрую милостыню, но пытался дать каждому «по-требное», т. е. все, в чем тот нуждался, буквально исполняя тем самым евангельскую заповедь братства и общности имущества. Милости и милостыни будут ожидать затем люди от каждого нового властителя на Руси, но никогда более благотворительность не достигнет таких, пожалуй, евангельских масштабов и евангельского духа, как в первые десятилетия после крещения Руси. Известно из многих летописей, что даже в области государственного права Владимир пытался установить евангельские нормы милосердия:

«Жил Владимир в страхе Божьем. И весьма умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Умножились разбойники, почему не казнишь их?» Он же отвечал: «Боюсь греха». Они же сказали: «Ты поставлен от Бога на казнь

злым, а добрым на милость. Подобаает тебе казнить разбойников, но с испытанием» – т. е. с расследованием и судом. Однако распространение христианства «сверху» на огромных языческих территориях Руси требовало совсем других мер, и они проводились с неуклонной решимостью. Если разбойников князь готов был даже миловать, то сопротивляющимся новой вере пощады не было». [20]

Крещение Новгорода: восстание волхвов.

Осенью 989 года произошло крещение жителей второго по значению города Руси, Новгорода, главного оплота славянских жрецов, волхвов. «Повесть временных лет» ничего не сообщает об этом событии, наверное не случайно. Подробный рассказ о крещении новгородцев содержится в Иоакимовской летописи, названной по имени первого Новгородского святителя Иоакима. Согласно этой летописи, Владимир направил в Новгород своего дядю (брата Малуши) Добрыню, у которого в городе были родственные связи и свой дом, и воеводу Путятю с большим войском. Узнав об этом, новгородцы собрали вече и поклялись не пускать Добрыню в город. Они разобрали мост через Волхов и выкатили на берег реки метательные орудия с большим запасом камней. Подошедшие к Новгороду Добрыня и его люди сначала увещевали горожан, затем перешли к угрозам.

Неизвестный летописец из людей Добрыни так описал

дальнейшие события:

Верховный же над жрецами славянскими Богомил, нареченный из-за сладкоречия своего Соловьем, весьма воспрещал людям покоряться. Мы же стояли на Торговой стороне, ходили по торжищам и улицам, учили людей христианской вере, сколько могли. И так пробыли два дня, крестив несколько сот человек. На другой стороне Волхова полностью хозяйничали восставшие. Их предводители возбуждали людей криками: «Лучше нам помереть, чем отдать богов наших на поругание!» Они разорили дом Добрыни, убили некоторых его родственников [20].

Известно, что «язычники» отличались веротерпимостью, так было всегда и в Новгороде – издавна жили там и немногие христиане, была даже церковь Преображения Господня. Новгородская земля также славилась порядком и нетерпимостью к насилию и разбою; убийство считалось тягчайшим преступлением. Но волхвы знали о недавних событиях в Киеве, о поголовном крещении киевлян в новую веру. Они хорошо помнили и молодого безжалостного Владимира, и Добрыню, и понимали необратимость перемен, которые они принесли теперь. На карту было поставлено все: и древний вольнолюбивый уклад жизни, и исконная вера в славянских богов. Перед лицом такой опасности волхвы преступили все свои законы.

Тем временем воевода киевлян Путята с пятьюстами воинами ночью тихо, в тайне, переправился через Волхов выше

города и затем вошел в него. Лидеры сопротивления той же ночью были захвачены и тут же переправлены к Добрыне, их дальнейшая судьба неизвестна, Ночью же новгородцам удалось окружить отряд Путяты, и между ними началась «жесточкая сеча». В тот же день была подожжена церковь Преображения Господня и разорены дома местных христиан, – как видно, это было сделано лишь в самые последние часы сопротивления; новгородская веротерпимость и уважение «к чужим богам» держались до последнего часа.

На рассвете на помощь Путяте переправилось многочисленное воинство Добрыни. По его приказу начали поджигать все подряд дома горожан. Люди бросились тушить огонь, сопротивление было сломлено. Вскоре оставшиеся в живых «мужи новгородские» пришли к Добрыне просить мира. Далее в летописи говорится:

Добрыня же, собрав воинов, прекратил грабежи и вскоре идолов сокрушил: деревянных сожгли, а каменных, изломав, в реку бросили, и была нечестивым печаль великая. Мужси и жены, видя это, с плачем великим и слезами просили за них, словно за настоящих богов своих. Добрыня же, насмехаясь, отвечал им: «Что, безумные, сожалеете о тех, которые сами себя защитить не могут? Какую пользу от них ожидаете?» И послал повсюду объявить, чтобы шли к крещению... И многие пошли, а тех, кто не хотел креститься, воины по-тащили. И крестили мужчин выше моста, а женицин ниже моста. Тогда многие некрещеные стали говорить о себе,

будто уже крещены. Для того повелели всем крещеным надевать на шею деревянные, медные или оловянные крестики. А тех, у кого крестика не находили, крестили без лишних разговоров [20].

Этот рассказ Иоакимовской летописи, в истинности которой у исследователей все же были сомнения, сравнительно недавно подтвержден археологическими находками: в слоях X века обнаружены следы сильнейших пожаров и установлена их дата – 989 год. Обнаружены разрушенные дома на Софийской стороне, где тогда жили христиане, найдены в этих домах и клады монет, видимо в спешке зарытые владельцами, и другие вещественные доказательства правдивости этого рассказа.

Первым новгородским епископом стал грек Иоаким Корсунянин, вывезенный Владимиром среди других священников из взятой им в 987 году крымской Корсуни (Херсонеса). Но еще очень долго христианство не приживалось в Северной Руси. «Повесть временных лет» содержит подробные рассказы о борьбе киевских князей-наместников с волхвами в Ростове и других землях. О том, как это было в Новгороде, в правление Глеба Святославича, читаем под 1071 годом.

«Такой волхв объявился и при Глебе в Новгороде; говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, говорил ведь: «Предвижу все» и, хуля веру христианскую, уверял, что «перейду по Волхову перед всем народом». И была смута в городе, и все поверили ему и хоте-

ли погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует Богу, пусть по кресту идет». И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Тот ответил: «Знаю все». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» – «Чудеса великие сотворю», – сказал. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись. Так погиб он телом, а душою предался дьяволу» [30]

Жутковатое впечатление производит этот рассказ, и описанные события свидетельствуют отнюдь не в пользу Глеба Святославича. Конечно, в те времена у людей было другое отношение к жизни и смерти, но ведь дело происходит в Новгороде, с его древнейшими вольнолюбивыми традициями справедливости и святости человеческой жизни. Скупой рассказ летописца, известного своим пристрастием и участием в борьбе с волхвами, вполне возможно, скрывает очень многое. Можно себе представить, что этот оставшийся безымянным волхв не сразу вызвал у горожан такое доверие. Наверное, он прорицал горожанам и творил какие-то чудеса, – иначе невозможно объяснить тот факт, что на его сторону перешли все новгородцы, и только князь с дружиной собрались вокруг епископа!

Новгород по тем временам был крупнейшим по европейским меркам городом, торговым, ремесленным и культурным центром Северной Руси. Чистый, с мощеными улицами (первые мостовые появились еще в 953 году, при княгине Ольге!), с каменными храмами и двухэтажными деревянными домами горожан. Его храмы, расписанные при Ярославе Мудром (лет за сорок до 1071) мастерами-греками, поражали воображение современников. На его торговой стороне ежедневно бывали купцы со всей Восточной и Центральной Европы; там заключались значительные по европейским масштабам сделки.

Новгородцы славились трудолюбием и мастерством, умом и трезвомыслием; многие из них бывали и в Любеке, и в Бремене, и в Венеции, и в Генуе. Но куда там было Любеку или Бремену, или лоскутной Венецианской республике до великого северного города и огромных владений, находившихся под властью князя; вернее – под властью новгородского Вече и трехсот «золотых поясов», знатнейших и богатейших людей города! Новгородцев никто и никогда «не объезжал на кривой кобыле», их трудно было и удивить чем бы то ни было. Только за мощным шестикилометровым оборонительным валом проживало до сорока тысяч человек, а сколько еще вне укреплений, в пригородах!

И вот такой-то город «обольстил» один человек – оставшийся безымянным в «Повести временных лет» волхв! Прошло больше восьмидесяти лет, как крестили этот город

«Добрыня огнем, а Путята мечом» и, казалось, христианство прочно утвердилось в нем. Но вот пришел волхв, один, без дружины, «без пряника и кнута», и «обманул» (так в летописи) весь город?

По этому эпизоду, который занимает всего четырнадцать летописных строк, мы можем судить о силе ведической дохристианской веры, о знаниях, мудрости и силе жрецов этой веры, волхвов. Но а как повел себя в этой ситуации христианский священник, епископ Новгорода? Судя по «Повести временных лет», вполне достойно. Сам епископ (по другим летописям мы знаем, что его звали Феодор) действует в этот критический час безусловно по-христиански и в духе демократических традиций Новгорода. Но внук Владимира верен безжалостным и коварным традициям деда «языческого» периода его жизни.

Н самом деле неизвестно, каковы были последние слова безымянного волхва, неизвестно и что означают слова «так погиб он телом, а душою предался дьяволу» – только ли мысль летописца, или нечто, что случилось после убийства «тела»...

Но удивительно, что были и другие города, подвластные киевскому князю, которые сохраняли верность славянским богам еще почти двести лет (!) после Крещения Руси. Так, сын Владимира, Глеб, отправленный отцом в Муром, не только не смог крестить город, но даже вынужден был поселиться «вне града». Христианство утвердилось в Муроме

лишь в XII веке, при князе Константине, причисленном позже к лику святых. До начала XII века «язычниками» оставались и вятичи, и другие северо-восточные племена. Но даже гораздо ближе к Киеву, в Приднестровье, в течение нескольких веков сохранялись настоящие заповедники язычества.

Вот что пишет об этом А. Карпов:

<<Недавние открытия археологов, исследовавших языческие святилища на реке Збруч (левый приток Днестра), в буквальном смысле переворачивают наши представления о религиозной ситуации в домонгольской Руси и о религиозной политике русских князей того времени. Как выяснилось, капища действовали с конца X до середины – второй половины XIII (!) века. Здесь без всяких препятствий совершались языческие обряды, приносились жертвы (в том числе и человеческие), свободно проживали жрецы-волхвы, поддерживался негасимый священный огонь. На одном из збручских святилищ, в урочище Богит, очевидно, стоял знаменитый четырехликий каменный Збручский идол, найденный ничуть не поврежденным в реке Збруч еще в 1848 г. Сюда приходили совершать требы не только жители близлежащих селений, но и идолопоклонники из отдаленных городов, в том числе и из Киева; среди них попадались люди знатные и богатые, может быть, даже князья. Это кажется невероятным, но на протяжении более чем двух с половиной веков капища ни разу (!) не пытались разрушить; постепенно угасая, они сами прекратили существование в новых условиях, сложивших-

ся после монголо-татарского завоевания. Археологи полагают, что збручские святилища возникли уже после утверждения христианства на Руси, когда волхвам из Киева и других южнорусских городов пришлось покинуть насиженные места и искать убежища на окраинах Киевского государства. Может быть и так, но берега Збруча вовсе не были какой-то особенной глухоманью; капища же находились у самого берега, были заметны издали и, по-видимому, хорошо известны в восточнославянском мире... Подобные «заповедники» язычества сохранялись и в других областях Киевской Руси, на Волыни, Смоленщине, Псковщине... И, пожалуй, мы не слишком удивимся этому. Сравнивая между собой памятники древнерусского права – церковные (так называемые Церковные уставы князей Владимира и Ярослава) и гражданские («Русская Правда»), исследователи отмечают, что надзор за соблюдением христианских норм возлагался именно на Церковь, но вовсе не на князя и представителей его администрации. В этом очень серьезное отличие Древней Руси от соседних и почти одновременно с ней ставших на путь христианства стран – Польши и Венгрии. Но даже и Церковные уставы не предусматривали какой-либо правовой ответственности за такие правонарушения, как, скажем, соблюдение прежних языческих обрядов, языческие жертвоприношения, отказ в посещении церкви и т. п. Такого рода казусы даже не упомянуты в них>>. [20]

В то же время западноевропейские и даже западнославян-

ские уставы и права тех времен предусматривали за все подобные проступки серьезные наказания, вплоть до членовредительства, а позднее, как известно, и смертной казни. В этом серьезное отличие становления христианства на Руси. Вероятно, такие исключения, как убийство волхва в Новгороде в 1071 году, бывали, но именно как исключения, – может быть еще и поэтому рассказ о «подвиге» князя Глеба попал в летопись.

Таким образом, эпоху становления христианства на Руси надо признать, по крайней мере, относительно веротерпимой, мягкой. Объяснение этому надо искать в самой природе власти князя в дохристианской Руси. Вновь сошлюсь здесь на исследование А. Карпова:

«Мы знаем, что в дохристианском обществе княжеская власть существовала как бы вне общества, над обществом и традиционно не вмешивалась в повседневную внутреннюю жизнь людей... Князь Владимир выступал как бы в двух ипостасях: с одной стороны, как Креститель Руси, со всем пылом и искренностью неопфита насаждающий новую веру, а с другой – как прирожденный хранитель социальной и религиозной стабильности, обеспечивающий мирное сосуществование язычества и христианства и, следовательно, достаточно веротерпимый». [20]

Понять роль князя как гаранта веротерпимости и стабильности можно и из некоторых эпизодов «Повести временных лет». Так, в рассказе о борьбе с волхвами в Белозерском

крае (1071 год) видно, что волхвы (повинные в человеческих жертвоприношениях местных жителей), попав в руки наместника киевского князя (Святослава), Яна Вышатича, потребовали представить их князю, – очевидно, рассчитывая на снисходительность Святослава Ярославича. Однако известный борец с волхвами Ян поступил по-другому: он выдал волхвов родственникам убитых ими, и те, исполняя обычай кровной мести, убили их и повесили на дубах, на съедение зверям. Заметим при этом, что сам Ян Вышатич не решился собственноручно расправиться с волхвами.

Хорошо известно, что на Руси по мере ее христианизации старые языческие обряды наполнялись постепенно новым христианским содержанием. Постепенно складывался особый тип русского Православия, отличный как от католического, так и от византийского обряда. Только столетия спустя после крещения христианство прочно и навсегда утвердилось в России. Хорошо написал об этом Александр Солженицын:

«Русь не просто приняла христианство – она полюбила его всем сердцем, она расположилась к нему душой, она излегла к нему всем лучшим своим. Она приняла его к себе в названье жителей, в пословицы и приметы, в строй мышления, в обязательный угол избы, его символ взяла себе во всеобщую охрану, его поименными святыми заменила всякий другой счетный календарь, весь план своей трудовой жизни, его храмам отдала лучшие места своих округий, его служ-

бам – свои предрассветья, его постам – свою выдержку, его праздникам – свой досуг, его странникам – свой кров и хлебушек». [38, т. 4].

«Еврейский вопрос» времен Киевской Руси

В 1990-е годы после «перестройки» возникло так называемое ведическое движение, некоторые идеологи которого считают христианизацию Руси трагической ошибкой истории (а самые радикальные – даже результатом некоего пресловутого «всемирного заговора»). Ведическая Русь, или Русь волхвов, развивалась бы, по их мнению, более естественно и гармонично, пронеся через тысячелетие исконную славянскую веру, связанную с религией и культурой пра-ариев. Умеренным представителем таких воззрений является, насколько я понимаю, известный исследователь «Велесовой книги» («Русских Вед») А. И. Асов. Это движение дало широкий спектр мнений, вплоть до крайне радикальных. Представители последних считают христианизацию Руси результатом заговора враждебных сил, прежде всего евреев, обращаясь к той изложенной выше гипотезе рождения князя Владимира от хазарской жрицы, т. е. еврейки, ключницы Малуши. Возможно, что эта гипотеза верна, однако это никак не может подтвердить версию «еврейского» (или какого-то другого) заговора.

Приведем здесь лишь один пример: святая равноопо-

стольная Нина, просветительница Грузии (276–340), дочь Завулона, стала христианкой в Иерусалиме и до 14 лет служила при гробе Господнем. Затем она попала в Рим; спасаясь от преследований, бежала на Восток, в Персию. Оттуда она в 305 году пришла в Грузию, в Мцхет, и три года тайно проповедовала христианство. Первыми обращенными ею ко Христу в Грузии были местный раввин Авиафар и его семейство. Затем ее проповеди при содействии дочери Авиафара, Сидонии, а также ряд чудесных исцелений, особенно исцеление царицы Нонны и нескольких придворных, заставили уверовать во Христа самого царя Мириама и весь его двор. Затем началось обращение целого народа, под руководством самой Нины, которая не допускала при этом никаких принудительных мер и до конца жизни (35 лет) ограничивалась мирными проповедями. Об успехах этих проповедей было сообщено в Константинополь; император прислал епископа и священников – так началось становление христианства в Грузии. По преданиям, Нина обратила в христианство и царя Армении Тиридата. Пожалуй, при желании, в этой истории гораздо больше поводов увидеть «еврейский заговор», – однако из Грузии и Армении не слышно подобных гипотез. Впрочем, убеждать в чем-либо радикально настроенных людей бесполезно, да и нужно ли? Заставь их Богу молиться, так они...

В главе «Роковой 1903 год» (во второй части книги) мы рассмотрим множество заговоров, в том числе и тот, что на-

зывают «жидо-масонским», но в X–XIII вв. на Руси евреи не играли почти никакой роли, да и слово «жид» (фонетическая трансформация еврейского этнонима «йехуди») еще вовсе не было ругательным. В Киеве еще с IX века (может быть и намного ранее) была «жидовская слобода» в северо-восточной части города и «жидовские ворота». В дальнейшем среди евреев Киев славился как восточный центр талмудистской образованности; сохранились даже имена «великих раввинов» Киева той поры [18]. Но заметной роли в жизни города евреи до XI века не играли.

Однако примерно в 1038 году в Центральной и Западной Европе происходят крупные еврейские погромы. В 1039 году в Киеве поселились «богатые жида» из Германии, и киевские князья покровительствовали им. В их руки постепенно перешло ростовщичество, они приобрели силу и полезные связи. В горожанах нарастало недовольство; оно прорвалось в конце княжения Святополка 17 апреля 1113 года разгромом «княжьих дворов» и первым, как считают, в истории Руси еврейским погромом. Но затем Владимир Мономах взял ростовщичество под жесткий контроль, и «еврейский вопрос» на несколько веков исчез из русской истории.

Чудеса времен Владимира Мономаха.

Во времена Владимира Мономаха (1113–1125) чудеса волхвов на Руси сменяются новыми чудесами, связанными с

христианскими подвижниками (не только русскими), и некоторые из них, многократно описанные в летописях и подтвержденные свидетельствами современников, до сих пор никак не могут быть объяснены и поражают воображение даже в наше время. Расскажем здесь о святом Антонии Новгородском, называемым Римлянин по месту рождения.

Ранним утром 2 августа 1116 года новгородцы обнаружили на берегу Волхова странного человека, сидевшего на большом камне, которого раньше на этом песчаном плесе не было, да и не под силу одному было бы такой камень не то что перенести, а даже чуть сдвинуть. Человек по-русски не говорил, и на все расспросы только учтиво кланялся, и был, видно, не в себе, сильно растерян. Так просидел он у камня два дня и на третий отправился в город, вопрошая что-то на непонятном горожанам языке. Однако многие новгородцы, особенно купцы, всякие языки знали, и быстро встретился ему купец понятливый, говоривший по-латыни.

Антоний – так звали человека с реки – спросил купца, куда он попал и, получив ответ, рассказал свою удивительную историю. Родился он в Риме в 1067 году, у родителей богатых и знатных. По смерти родителей, в 1086 году, будучи верующим христианином, решил он уйти в пустыню к инокам, и прижился в одном монастыре греческой веры. Еще сказал Антоний, что перед уходом из дома все свои богатства – золото и серебро, другие драгоценности из родительского имения – сложил он в большую бочку, сковал железными обру-

чами и пустил ее в море, на волю волн.

В православном монастыре прожил он много лет – двадцать, а может и больше. Но затем начались в том месте гонения на монастыри греческой веры, так что иноки разбежались, и он скрылся в уединенном месте на берегу моря. Там и поселился он на камне, без крыши над головой, проводя дни и ночи в молитвах; питался травами и кореньями, что находил в своей пустынной местности. Так прожил он еще много лет. Но однажды приключилась на море невиданная ранее буря, такая, что сорвала камень, на котором он спал, и понесла его по бушующим волнам. Так на нетонущем камне плыл он три дня, поражаясь чуду и молясь Богу, и последний день плыл уже реками и озерами незнакомыми, и только у Новгорода на третью ночь пристал камень к берегу!

Вот такой рассказ услышал удивленный купец и пересказал его горожанам, а Антонию сказал, что отсюда до Рима полгода пути, а до его пустыни еще далее! Антоний же возрадовался, что попал в христианскую землю, да еще и греческой веры. Узнав о чудесном происшествии и встретившись с Антонием, новгородский епископ Никита построил церковь и келью для него на месте прибытия. Но чудеса на этом не кончились. Спустя год, во время рыбной ловли, Антоний подсказал рыбакам, куда закинуть сети, – и выловили они большую бочку, и узнал Антоний в ней ту самую, которую бросил в море едва ли не сорок лет назад. Рыбаки хотели забрать ее себе, но новгородский суд отдал ее Антонию,

т. к. римлянин рассказал про все, что находилось в бочке, а рыбаки не смогли.

На все те богатства, которые вернулись к нему, он купил землю и устроил монастырь, а сам назначен был епископом его главою, игуменом, – об этом есть запись в синодальном списке Новгородской первой летописи (в лето 1117): «В то же лето игумен Антон заложи церковь камяну святыя Богородица манастырь...» [30, см. комментарии, с. 548]. Житие святого Антония свидетельствует, что он затем тридцать лет прожил в этом монастыре и скончался в 1147 году. Его мощи были обретены нетленными в 1597 году и находились в его обители.

Мы назвали эту главу «Гибель волхвов?», но, как вы сами убедились, в буквальном смысле этого не произошло. Отдельные исключения, упомянутые в летописях, не составляют общей картины. Волхвы еще по крайней мере двести лет после крещения Руси владели некоторыми городами, и целыми областями.

В новгородских летописях тех времен мы можем обнаружить, что, в отличие от Киева, новый год в Новгороде начинался тогда не по церковному календарю с 1 сентября, а по прежнему, языческому, с 1 марта; что на судах применяли прежние «языческие ордалии» (испытания каленым железом или водой). Эти летописи полны наблюдениями небесных знамений – все это явные признаки обычаев прежней, ведической Руси. Однако если волхвы начинали возмущать

народ против княжеской или ордынской власти, то их убивали лютой казнью, вешали, жгли на столбах, как и других врагов.

Что было дальше? Мы опустим историю татаро-монгольского нашествия, поскольку в это бурное время следы волхвов как будто теряются; по крайней мере не найти сведений о них в летописях – не до того было. Однако, как известно, татаро-монгольская орда не дошла до Новгорода и северных земель – они лишь платили орде дань. Поэтому нет сомнений в том, что волхвы пережили это время.

Ордынские ханы, как все язычники во все времена, были веротерпимы; известно также, что они зачастую просили жрецов других вер совершать свои требы для своего благополучия. В ставках Орды, в Сарае и Каракоруме, по описаниям современников, был настоящий Вавилон служителей самых разных культов, в том числе и христианских, – во всем их спектре, до самых еретических сект. Православную русскую церковь Орда не только не трогала, но даже освободила от всякой дани, которая тяжелым бременем почти на 250 лет легла на всех других подданных русских князей с 1243 (получение от татар первого ярлыка на великое княжение Ярославом, отцом Александра Невского) по 1480 год (раскол Золотой Орды и «великое стояние на Угре»), с небольшим двухгодичным перерывом после Куликовской битвы (1380–1382). Это освобождение от дани очень способствовало укреплению Православия, т. к. многие князья

предпочитали обогатить свои церкви, чем платить дань Орде.

Юродивые: крещенные волхвы.

В XIII–XIV вв. начинается мистическая традиция русско-го Средневековья, связанная с так называемым старчеством и Христа ради юродивыми. Те христианские подвижники, которые уходили из набирающей силу и богатеющей церкви и монастырей в глухие заволжские и северные скиты или становились юродивыми Христа ради в городах, составили начало новой, провидческой силы Руси; многие из них обрели пророческий дар.

Мы можем вполне обоснованно предположить, что эти подвижники в своих глухих скитах соединили благочестие христианства с мудростью и силой волхвов, – которые в эти времена как будто исчезают на Руси.

Сергий Радонежский и Прокопий Устюжский, Стефан Пермский и Кирилл Белозерский – эти имена широко известны, но были еще десятки и сотни подвижников и юродивых, явивших миру новое, святое и неповторимое лицо русского православия.

Самый известный подвижник тех времен, преподобный Сергий Радонежский (1314–1391), в 21 год ушел в глухие леса и жил там до конца жизни, основав в 1338 году обитель, ставшую затем Свято-Троицкой Сергиевой лаврой.

Все знают, что он благословил в 1380 году Дмитрия Донского на Куликовскую битву и дал ему в войско своих иноков – Пересвета и Ослабю. Точнее сказать, он не благословил на битву (т. е. на кровопролитие), а предрек ему победу и спасение от смерти. Но еще до этого Сергей уже прославился на Руси многими своими чудесами, видениями, целительством и миротворением – к 1380 году он сумел примирить между собой почти всех русских князей под началом Москвы. Он предсказал и день своей кончины. Через 32 года мощи его были открыты нетленными, даже одежда не была порчена.

Юродивые не только добровольно отказывались от удобств и благ земной жизни и от всякого родства, близкого и кровного, но и принимали на себя вид безумного человека. Для чего? Выражение апостола Павла «мы безумны Христа ради» из его 1-го послания Коринфянам (гл. 4, ст. 10) служило им основой и оправданием: да и вся 4-я глава этого послания фактически прославляет юродство ради Христа. Полностью стихи этой главы таковы:

Мы безумны Христа ради,
а вы мудры во Христе;
мы немощны, а вы крепки;
вы во славе, а мы в бесчестии.

Апостол Павел обращается здесь к самодовольным коринфянам, своим бывшим ученикам, которые полагают, что они уже познали истину и путь Иисуса Христа и не нуждаются более в апостольском слове и попечении; которые даже ста-

ли свысока смотреть на подвижничество, постоянные поиски и беспокойство духа апостола и его ближайших сподвижников, на их бедность и неумение (как они полагали) совместить веру в Бога и достаток в жизни – жители Коринфа издавна отличались, достатком и любовью к радостям жизни.

Подвигом подвижничества, постоянным беспокойством духа юродивые взяли себе право говорить правду в глаза сильным мира сего. Как здесь не вспомнить пушкинское «волхвы не боятся могучих владык»? Многие из них получили и дар пророчества. Кроме того, юродивые своей волей взяли себе право на особенный образ жизни, не ограниченный никакими рамками. Зачастую они могли вести фактически «языческий» (в глазах «домостроевского» общества) образ жизни – и это также сближает их с древними волхвами. Единственное и решающее отличие состояло в том, что юродивые Христа ради становились таковыми именно через веру в воскресение Иисуса Христа – их можно было бы называть и «волхвами Христа ради».

Первые юродивые явились еще среди христиан Египта в IV веке, но именно на Руси эти подвижники более всего «пришлись ко двору» и прославили свои имена, начиная с киево-печерского чернеца Исаакия (1090) и кончая Василием Блаженным (1469–1557). Юродивых начинают притеснять при Петре Великом, а в 1732 году, в царствование Анны Иоанновны и Бирона, когда православие подверглось даже гонениям, юродивым специальным указом запретили вхо-

дить в церковь.

Подводя итог главному вопросу этой главы о «гибели волхвов», мы с большой уверенностью можем сказать: кто в дохристианской Руси стал бы волхвом, тот по становлении православной русской церкви становился Христа ради юродивым, или подвижником в глухом ските.

Русский Нострадамус.

Василий Немчин, русский прорицатель, жил в XV веке, на сто лет раньше Нострадамуса, в землях нынешней Белоруссии, тогда еще иноземных для Московского княжества. Возможно поэтому он и получил прозвище Немчин, о котором много пишут в последние годы, но самих книг которого никто, кажется, не видел. Впервые, насколько я знаю, рассказал о нем П. П. Глоба на своих лекциях еще в 1989 году.

Этот, по определению П. П. Глобы, «русский Нострадамус» писал по-славянски и в основном о будущем России.

Архивы, содержащие все сведения о нем, хранились (сохранились ли?) в Полоцке и в Западной Сибири. П. П. Глоба утверждал, что у него есть фотокопии рукописей Василия Немчина. Немчин предсказал всю будущую историю России вплоть до наших дней и далее. Во многом его прогнозы перекликаются с пророчествами Василия Блаженного, о которых мы расскажем в следующей главе, но многое в них изложено иначе, одновременно и более конкретно и более загадочно.

В отличие от Нострадамуса, Немчин чаще называл даты будущих событий. Так, он предсказал, что в 1980-е годы народ трижды столкнется с «черными» бедами. Действительно, в 1986 году разразился Чернобыль; в 1988 году начался первый во времена перестройки кровавый конфликт в Карабахе, а это название города переводится как «Черные холмы»; в 1989 в Черновцах вспыхнула загадочная эпидемия неизвестных ранее детских болезней из-за нарушения экологии.

Василий Немчин предсказал и сроки большевистской власти, назвав ее «сатанинской империей», причем отметил, что она будет существовать, пока будут живы три старца, которые держат ее, как Кощеи. И пока последний из этих старцев не умрет, империя будет жить, а после сразу развалится. П. П. Глоба на лекции 1990 года так интерпретировал эти слова В. Немчина:

«Молотов – родился в 1890 году, умер в 1986-м, прожил 96 лет; Маленков – родился в 1902 году, умер в 1988-м, прожил 86 лет; Каганович – родился в 1893 году, последний из трех, еще жив. Ему сейчас 97 лет, но держится. Однако я думаю, 1991 год будет для него роковым».

Действительно, Л. М. Каганович умер 26 июля 1991 года – и менее чем через месяц произошел путч ГКЧП 19 августа, а затем сразу, в считанные дни, и развал СССР!

Так вот, дорогой читатель, собирался я добратсья до архивов, где есть подробные сведения о Василии Немчине, да встретился в феврале 1998-го с Павлом Павловичем и спро-

сил его, не собирается ли он написать отдельную книгу о «русском Нострадамусе». Оказалось, что не только собирается, а уже пишет. Правда, как видно, скоро не получилось, но, будем надеяться, что мы все же прочтем ее. Вот поэтому и вышла эта главка самой короткой: не сказать о Василии Немчине в этом исследовании невозможно, а подробно писать теперь нет смысла – ждем книгу Павла Павловича Глобы. Пишу здесь об этом вовсе не с целью «упрекнуть» его в том, что книга до сих пор не вышла – иные книги пишутся очень долго...

Глава 4. Грозный царь языческий.

Первый брак Василия III был бездетным, и после 20 лет супружества с выбранной им из полутора тысяч знатных претенденток Соломонией Сабуровой великий князь московский развелся с женой и заточил ее в монастырь. Второй женой князя стала юная литовская княжна Елена Глинская, не отличавшаяся большой знатностью по меркам московского княжества и наполовину татарка, однако правнучка самого Мамаю. Заметим, что литвинкой (дочерью легендарного литовского князя Витовта, победителя тевтонов в Грюнвальдской битве 1410 года) была и мать самого Василия III, принявшая при обращении из католичества в православие имя София. Некоторые историки отмечают, что мать, бабушка и прабабушка Ивана Грозного сильно отличались европейской образованностью и властностью от русских жен прежних князей; их называют иногда «демоническими иноземками». Для нас сейчас важно, что они были из Литвы – последнего оплота древних праарийских верований в Европе «от Атлантики до Урала».

Елена Глинская, воспитанная в литовских обычаях, была молода, умна, умела нравиться. Василий был столь увлечен молодой женой, что в угоду ей не побоялся нарушить заветы старины и сбрил бороду. Между прочим, безбородыми рус-

ские князья, Рюриковичи, ходили только до крещения Руси, – вспомните оставленное Львом Диаконом в своей «Истории» описание внешности легендарного Святослава. В Литве же дохристианские верования и обычаи и после ее крещения (позднейшего в Европе) в XIV веке сохранялись вплоть до середины XX века (!), точнее, до ее включения в состав СССР в 1939–1940 гг. Еще совсем недавно верующие литовские бабушки-католички шутили: «Мы днем в костеле молимся, а вечером с нашими ужами да ежами советуемся», – имея в виду священных животных своих древних верований. Есть и другая, более древняя литовская поговорка: «Можно и богу молиться, и черта за хвост держать».

Надо добавить еще, что литовский язык, как считают некоторые современные исследователи, ближе всех европейских языков сохранил свою дохристианскую, пра-арийскую основу. Вот какую жену взял себе по любви старый московский князь, и вот почему он сбрил бороду.

Впрочем, со времен Ивана III, отца Василия III, московский князь именовал себя уже «Божиею милостью Государь всея Руси, Царь всея Руси и самодержец». С конца XV века, после падения Константинополя, на печатях московского государя появляется новый, византийский герб – двуглавый орел (вместе с прежним Георгием Победоносцем). Из Пскова, от инока Филофея, пошла с начала XVI века и формула «Москва – Третий Рим; два Рима пали, а четвертому не бывать».

На четвертый год брака Елена забеременела. Астрологи Василия пророчили еще не родившемуся младенцу великое будущее, а один (оставшийся неизвестным) юродивый сказал, что в день его рождения разразится над Москвой страшная гроза, – и таково будет его царствование.

25 августа (3 сентября по новому стилю) 1530 года, действительно во время сильнейшей грозы, под раскаты грома, родился в Царской семье сын Иван. Отцу было за пятьдесят, матери – немного за двадцать. В младенце соединились крови едва ли не всех великих воинов, сошедшихся в битве 8 сентября 1380 года на Куликовом поле: по мужской линии Дмитрия Донского (в пятом колене), а по женской – Мамаю (от Елены Глинской) и литовского князя Ягайло, союзника татар в той битве.

Никогда до этого князьями-властителями Руси не становились рожденные в конце августа и сентябре, под зодиакальным знаком Девы. Дело в том, что для России-Водолея знак Девы – восьмой по счету в Зодиаке, т. е. знак испытаний и катастроф по астрологическим законам. Да и в новое время мы не найдем в СССР или в новой России правителей-Дев. Дева по знаку рождения, вице-президент Г. Янаев руководил ГКЧП. Как только А. В. Руцкой (тоже Дева) стал вице-президентом при Водолее-Ельцине, так началось между ними грозное противостояние, а когда Руцкой провозгласил себя осенью 1993 года президентом России, в Москве загремела танковая канонада и пролилась кровь.

Историки отмечают, что княжич Иван Васильевич едва ли не чудом остался в живых среди внутриклановых московских «разборок». Отец его скончался, когда Ивану было три года, а мать умерла (возможно, была отравлена) еще совсем молодой, пять лет спустя. После смерти отца, в три года, Ивана короновали в «московские ханы», как назывались уже двести лет московские государи.

Иван быстро рос и мужал. Как извещали посольские приказы, в 13 лет он «в мужеский образ входит, а ростом совершенного человека уже есть, а Божьею волею помышляет уже брачный закон принятия». Н самом деле, чему есть много свидетельств, великий князь в этом возрасте предавался весьма диким забавам, против давно укорененного в Москве строгого домостроевского порядка и воспитания княжичей. Он забирался на островерхие терема и спихивал «со стремнин высоких» кошек и собак, «тварь бессловесную», а в 14 лет «начал человек ураняти» [36]. Он отчаянно безобразничал с ватагой сверстников, детьми знатнейших бояр: они разъезжали по улицам и площадям Москвы, топча конями народ, бил и даже грабил людей, «скачуще и бегающе всюду неблагочинно». Опекуну уже не могли с ними справиться.

По завещанию отца следовало «беречь» (т. е. опекать) Ивана до 15 лет, поры совершеннолетия. Едва отпраздновав этот день рождения, Иван велел отрезать язык Афанасию Бутурлину за какие-то неугодные слова. В первом же (неудачном) военном походе на татар он еще до сражения перессо-

рился с видными воеводами и трем из них «посекли головы». Однако, как бы ни удивлял молодой князь бояр, надо было венчать его на царство, пришла пора исполнять волю его отца.

16 января 1547 года Ивана Васильевича короновали. В Успенском соборе в Кремле митрополит возложил на него шапку Мономаха – символ царской власти московских государей.

После коронации и основания, таким образом, нового православного царства митрополит Макарий провел церковную реформу: собранный им духовный собор канонизировал несколько десятков новых святых. Русская церковь в тот год обрела их больше, чем за предыдущие пять веков своего существования – закатившееся в Константинополе «солнце благочестия» с новой силой засияло в Москве, в Третьем Риме.

«Венчание на царство», впервые после ордынского ига независимое от татар, – важнейшее событие не только для Руси, но и для Европы. Что представляла собой Россия в то время? Это было одно из самых крупных и населенных европейских государств: около десяти миллионов людей населяло Восточно-Европейскую равнину. В Москве жило около ста тысяч и это был крупнейший город Европы, в Новгороде – до тридцати тысяч человек; Киев после татар был не слишком большой деревней, но постепенно возрождался. В городах жило около двух процентов населения – довольно мно-

го для средневековой Европы. Тяжкие поборы с городских жителей служили одним из главных источников пополнения царской казны – и причиной многих волнений и бунтов.

Почти при всяком бунте горожане обвиняли в злых умыслах каких-либо «волхвов», «колдунов» из знати – такое место в народном сознании теперь занимали прежние великие дохристианские волхвы, точнее языческие образы, а место самих волхвов, и в жизни и в сознании людей ныне занимали христианские подвижники и юродивые.

Е. П. Карнович в своем исследовании приводит такое свидетельство об отношении в то время к прежней старине:

«Сверх того, в Восточной Руси повелся такой еще обычай. Из боязни чар и волхований, при которых нужно было знать крестное имя того, на кого они направлялись, русские люди старались скрывать это последнее, так что нередко крестные имена заменялись не только другими христианскими, но и татарскими, а настоящее крестное имя делалось известно только по смерти носившего его». [19].

Но эти же свидетельства говорят и о том, что волхование (колдовство) было широко распространено в народе, и было порою, вероятно, весьма действенно.

Очень скоро с бунтами и «волхованиями» столкнулся и молодой царь. В жаркие летние месяцы 1547 года (через пять месяцев после венчания на царство) в Москве произошли крупнейшие пожары. Множество горожан лишились имущества и крова. Восстание началось 26 июня, когда воору-

женные горожане ворвались в Кремль и потребовали выдать им литовских родственников царя, Глинских, на расправу. В толпе кричали, что Москву «попалили колдовством», что виной всему бабка царя Анна – она вынимала из людей сердца, мочила их в воде и той водой, летая сорокой, кропила город. Молодой царь был в ужасе и сам писал потом, что его жизнь была в опасности. Но в конце концов волнения горожан улеглись ценою удаления Глинских из Боярской думы. Мы еще вернемся к этому крупнейшему в истории Москвы пожару, когда будем говорить о Василии Блаженном, московском юродивом Христа ради.

После этого в правление Ивана IV началось так называемое время реформ. Они касались как светской, так и духовной жизни. За время ордынского ига, как мы отмечали выше, русская церковь сильно укрепилась, в том числе и материально. Многочисленные монастыри промышляли не только торговлей, но и ростовщицеством, и скопили большие богатства. Царь задумал прибрать их к рукам.

Эти попытки получили поддержку со стороны прежде глухих скитов «заволжских старцев», основанных за сто лет до этого Нилом Сорским, книжником и «нестяжателем», призывавшим иноков монастырских не искать сокровищ на земле, а «испытывать» разумом и сердцем все писания.

В связи с нашей главной темой исследования надо отметить, что, пожалуй, именно в среде «заволжских старцев» мирно соединились христианская вера и благочестие и муд-

рость прежних, ведических веков. Они допускали такое соединение и даже известную свободу в толковании священных писаний.

Старец Артемий поддержал намерения Ивана IV секуляризовать часть монастырских богатств и владений. Однако из-за противодействия митрополита Макария и так называемых «осифлян» (последователей Иосифа Волоцкого), главных противников свободомыслящего Нила Сорского и его старцев-последователей, правительству Ивана IV удалось осуществить лишь малую часть своих планов. Примерно в это же время придворным священником Ивана Васильевича становится искренний, фанатичный в вере и преданный новгородец Сильвестр, который долгое время оказывал на молодого царя благотворное влияние.

Повезло Ивану IV и с первой женой. Ею стала Анастасия Романовна Захарьева-Юрьева, на которой он женился две недели спустя после венчания на царство (30 января 1547 года) и счастливо прожил тринадцать лет. Она происходила из рода Захарьиных-Кошкиных, ведущих начало от Андрея Кобылы, легендарного основателя рода будущих Романовых. Сам Андрей Кобыла вел свой род от древнейшего прусского жреца и вождя Видвунга. По легендам, священная дубовая роща Видвунга находилась где-то в центре нынешней Калининградской области. Но мы еще вернемся к связям Рюриковичей и династии Романовых, когда будем говорить о загадке убийства Александра II 1 марта 1881 года, а пока про-

должим рассказ об Иване, еще не Грозном, но уже великом.

Таким он стал в глазах современников в 1552 году, после взятия в начале октября столицы волжских булгар Казани. Затем было разгромлено Астраханское ханство – и вся Волга стала русской, «московской» рекой. Хотя сам царь не выказал особых военных дарований в этих походах, его главная заслуга была в том, что он создал боеспособную армию, знаменитое регулярное стрелецкое войско.

Некоторые историки отмечают, что Иван Грозный широко использовал и наемников: немцев, голландцев, англичан, шотландцев, – из них состояли целые пехотные и рейтарские (конные тяжеловооруженные) полки. Он вообще не чурался иноверцев и с интересом встречался с ними, расспрашивая о науках, астрологии и книгопечатании, об искусствах [12].

Василий Блаженный

Если к иностранным ученым и мудрецам царь Иван Васильевич проявлял любопытство и уважение, то русских мудрецов, – а ими были юродивые Христа ради, – он чтит и побаивался. Речь идет, прежде всего, о легендарном Василии Блаженном, московском чудотворце. Он родился в 1464 (по другим сведениям в 1469) году близ Москвы, в бедной и благочестивой крестьянской семье. Еще в детстве родители отдали его в подмастерья сапожнику, но Василий больше времени уделял молитвам, чем ремеслу. Провидческий дар про-

явился у него еще в ранние годы. Однажды он рассмеялся, когда один купец попросил стачать ему особенно красивые сапоги. Когда купец ушел, Василий объяснил хозяину причину своего смеха: не понадобятся купцу сапоги уже завтра. И верно – на следующий день купец неожиданно умер.

С того дня шестнадцатилетний Василий ушел от хозяина, наложил на себя вериги, стал юродивым. Ходил зимою и летом полунагим, в веригах, между нищими; ночи проводил на папертях, а дни – на богослужениях в церквах. Предсказывал всем правду, какую бы она ни была; входил в корчмы для спасения погибающих от пьянства.

Так шли годы и годы, и Василий стал известен всей Москве. Летом 1521 года он непрерывно молился о спасении Москвы от татарского нашествия, и когда крымский хан Мухаммед-Гирей действительно подошел к Москве и стал у ее стен, а затем со всем своим войском ушел, так и не войдя в город, многие москвичи посчитали это чудо заступничеством Василия Блаженного.

В 1530 году, когда родился Иван IV, юродивому было уже 64 года, и народная слава его была в зените (церковью он был прославлен в XVII веке). Через пять месяцев после венчания Ивана Васильевича на царство, 23 июня 1547 года, Блаженный пришел в монастырь Воздвижения и целый день безутешно плакал там у церкви. На следующий день великий пожар, начавшись на Арбатской улице, уничтожил половину Москвы, в том числе и деревянный Кремль. Про Василия

ходило множество слухов: говорили, что видели его летающим над Москва-рекой.

Царь Иван Васильевич любил и боялся юродивого, приглашал его на свои пиры. Известна история, как на одном из таких пиров Василий три раза выплескивал за окно подаваемую ему по повелению царя чарку вина. Царь на третий раз разгневался и спросил его, за что такая немилость. Святой отвечал: «Не гневайся, царь, – то я угасил пламя в Новгороде». И действительно, как вскоре выяснилось, в тот день в Новгороде случился сильный пожар, а сами новгородцы свидетельствовали, что резвее всех гасил пламя какой-то неизвестный им нагой человек, который тотчас исчез, как пожар кончился! Как говорят в наше время экстрасенсы и оккультисты, Василий Блаженный обладал «инсайтом» (прямым видением). Много свидетельств сохранилось о чудесах Василия Блаженного – недаром известный всему миру храм на Красной площади в Москве назван его именем.

Умер Василий Блаженный 2 августа 1552 года (иногда упоминается 1551 год). Иван Грозный и бояре несли его гроб, а митрополит Макарий совершил погребение. Тело Василия было похоронено на кладбище Троицкой церкви, что во Рву. Там царь Иоанн Грозный указал вскоре строить Покровский собор в память покорения Казани, известный больше под названием собора Василия Блаженного.

С 1588 года стали говорить о чудесах, совершающихся у гроба Блаженного Василия. Вследствие этого патриарх Иов

определил праздновать память чудотворца в день его кончины, 2 августа. В 1588 году по повелению Феодора Иоанновича был устроен придел во имя Василия Блаженного на месте, где он был погребен; для его мощей была изготовлена серебряная рака. Память Блаженного в Москве праздновалась с большой торжественностью: служил сам патриарх и при богослужении присутствовал царь.

* * *

В разных современных источниках можно встретить следующие «глобальные» пророчества, приписываемые иногда Василию Блаженному, а иногда Василию Немчину:

«И не может люд российский жить без кнута. Уж сколь страшен мой друг и кровопивец Ивашка Грозный, уж сколько проклятий высыпано на его голову, яко зола от сожженных душ, а будут чтить его как самодержца великого... За Ивашкой Грозным будет много царей, но один из них, богатырь с кошачьими усами, злодей и богохульник, наново укрепит русскую державу, хотя на пути к заветным синим морям поляжет треть народа русского, аки бревна под телеги... И буде долго править третий душегуб. И ради грозного порядка в великой державе усатый этот царь из диких горцев положит на плаху и всех сотоварищей своих, и друзей верных, и тысячи тысяч мужей и женок...

И буде Россия целый век жить без царя и прольет реки своей крови. И потом посадят на престол несмышленного юношу, но вскоре его вместе со свитой объявят самозван-

цами и погонят с Руси... Сожгут и уничтожат малые и великие храмы. И потом отстроят их. Но Бог не вернется в них, ежели служить в новых храмах будут не Ему, а злату. И тогда бедный люд вновь отворотится от церквей наших... Долго будет продолжаться в царстве великая смута, пока ее не остановит великий воин, призванный всем народом нашим... На самом юге черного арапского царства возникнет вождь в голубой чалме. Будет он метать страшные молнии и многие страны превратит в пепел. Но Русь великая соберется воедино и уничтожит этого вождя... И придет четвертый государь, которого назовут великим Всадником. Буде он душой и помыслами чист и обрушит меч свой на разбойников и воров. Ни один тать не избежит расправы или позора... Возликует народ русский, но найдутся злыдни, кои тишком убьют великого Всадника. И будет на Руси плач великий... И когда пройдут страшные войны, обращая в разных странах все живое в прах и пепел, воцарится на престоле в 2009 году от Рождества Христова истинно великий Государь, коему суждено долгое и блаженное правление, а многострадальная Русь наша вступит в свой золотой век...»

Верить или не верить этим пророчествам – личное дело каждого. Во всяком случае, какие либо убедительные доказательства того, что они принадлежат Василию Блаженному (или иному известному провидцу), мне не известны.

Вернемся к событиям на Руси Ивана Грозного после смер-

ти (в 1552 году) Василия Блаженного.

Грозный царь Всея Руси.

В 1558 году Иван IV начал Ливонскую войну, которая длилась пятнадцать лет и закончилась позорным для него Плюсским миром. Зачин войны был удачным: Алексей Басманов взял Нарву и Юрьев (Дерпт). Однако в начале августа 1560 года умирает любимая жена Ивана Васильевича Анастасия, и историки единодушно отмечают с этого времени новый этап его жизни, душевный переворот, быстрое перерождение в «грозного и кровавого царя языческого», в Ивана Грозного.

Недоброжелатели пустили слухи о «счаровании» царицы Сильвестром, и он тотчас был сослан на Соловки. Пострадали и другие друзья-реформаторы Ивана IV.

Как будто бес вселился в царя. Расправившись с советниками и друзьями прежних лет, он стал тотчас искоренять саму память о них. Что считалось раньше хорошим, теперь подвергалось осмеянию. На смену довольно скромному (по княжеским меркам) образу жизни пришли роскошные пиры и потехи, необузданное пьянство и похоть. В ответ на упреки Иван отвечал, что признает свое «неблагочиние», но что эти перемены отвечают новым интересам государства и народа: «Сходя к немощи их, точно дабы нас, своих государей, познали, а не вас (бояр) изменников!» Вот так! И в этот пе-

реломный момент, в 1562 году, послы константинопольского патриарха привезли в Москву решение Вселенского собора, подтверждающее право Ивана IV на царский титул. Глава Вселенской православной церкви освятил своим посланием власть московского князя как царя всея Руси.

Это был пик упрочения власти и успехов; в феврале 1563 года был взят в Литве крупнейший город того времени Полоцк. Но в том же году умер митрополит Макарий, который был последним нравственным авторитетом и сдерживающей силой языческих бесов души Ивана Васильевича. Началась дикая распря с боярами, полетели головы прежних друзей и верных воевод. Князь Андрей Курбский, один из лучших полководцев и ближайший советник царя, бежал через Чудь (где его ограбили до нитки) в Литву и поступил на службу к Великому князю литовскому.

Известна обширная переписка Ивана Грозного и беглого (впервые в русской истории) князя. Между прочим, в своих письмах Андрей Курбский называл царя «крокодиллом», – а ведь это как раз антитотем месяца и дня рождения Ивана Грозного по авестийскому календарю! Знал ли Курбский этот древний календарь (может, узнал в хранившейся древние знания Литве?), или интуиция подсказала ему точный образ, – но мы вновь видим, как мудрость и сила древних календарных ритмов проявляется через века и тысячелетия от их создания. Древние мудрецы – волхвы, жрецы, маги – знали тайные образы и имена каждого года, месяца, дня и ча-

са...

Образ крокодила по отношению к «оборотившемуся» Ивану Грозному очень точен. Мы не будем пересказывать здесь хорошо известную историю второй половины его жизни и кровавые дела опричнины. Приведем только некоторые факты, касающиеся лично царя.

Всем известно его «сидение» в Александровской слободе в 1564–1565 гг., когда он покинул Москву после распри с боярами и перед лицом вражеского нашествия на столицу. Но не все знают, что Иван Грозный по крайней мере дважды вел переговоры с английским послом и представителем английских купеческих компаний в Москве Джеромом Горсе-ем и переписку с королевой Англии Елизаветой о том, чтобы бежать из Москвы «для сбережения себя и своей семьи... пока беда не минует, Бог не устроит иначе» [39], – в сентябре 1567 года и незадолго до своей смерти в 1584 году.

Дж. Горсей в своих «Записках» [11] свидетельствует, что Иван Грозный и столицу хотел перенести в Вологду, «чтобы, когда пробьет час, погрузиться на суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости – на английских кораблях». Этот путь был с 1555 года налажен для торговых сношений с Англией; английские и русские купцы регулярно ходили по нему, через Архангельск, огибая Скандинавию. Боялся он не даром: тысячи и тысячи знатных фамилий были убиты («отделаны», как записывал он сам в своем «синодике») во времена опричного террора,

разорены целые земли, десятки тысяч простых людей умерли с голода или бежали с насиженных мест. Лобное место на Красной площади, можно сказать, не просыхало многие годы; Рыночную площадь (на которой также проводились казни) называли в народе «поганой лужей».

Митрополит Филипп Колычев 22 марта 1568 года в Успенском соборе Кремля обличил царя в кровавых ужасах опричнины и, неслыханное дело, отказался благословить его!.. Как бы в ответ на обвинения митрополита публичные казни на площади сменились невиданным до тех пор маневром: следствия стали проводить в строгой тайне, а смертные приговоры выносились заочно. Осужденных же стали убивать дома или на улице, на трупе оставляли краткую записку.

Митрополиту была послана зашитая в кожаный мешок голова И. Колычева, его родственника. Вскоре опричники расправились и с самим Филиппом. В 1568–1569 гг. ко всем бедам добавились неурожайные годы, а в 1570 году еще и страшная чума. Мор был отмечен в 28 городах; в Москве эпидемия ежедневно уносила до тысячи жизней! В некоторых городах вымерла половина жителей. Как считают историки, трехлетний голод и эпидемия принесли гибель сотням тысяч людей. Царя же более всего в эти годы заботили подозрения в измене, поиски все новых и новых врагов.

В январе 1570 года Иван Грозный учинил самый страшный в истории Новгорода разгром. 8 января он с опричниками лично прибыл в город. Сначала опричники схватили

новгородского архиепископа и ограбили его дом; затем подвергли грабежу Софийский собор, выламывая драгоценности даже из алтаря... Последующие расправы подробно описаны неизвестным новгородцем, автором «Повести о погибели Новгорода», которая сохранилась в составе новгородской летописи. Сравнительно недавно найден и немецкий источник – это письменные свидетельства очевидцев-немцев, бежавших за границу, и опубликованные в 1572 году во Франкфурте-на-Майне. Показания обоих независимых источников совпадают.

Опричные судьи добивались признаний в измене царю с помощью жесточайших пыток, жгли на огне «некоею составною мукою огненною». Замученных волокли санями к реке и спускали под лед. Летописец рассказывает, что зимой 1570 года опричники бросали в Волхов связанных по рукам и ногам женщин и детей, а другие с лодок топорами и рогатинами топили тех, кому удавалось выплыть.

Таким образом за две-три недели погибло примерно триста знатных семей. Под конец был устроен общегородской погром и грабеж на рынках и торгах. Ценные товары забирали, все остальное (лен, сало, воск и прочее) сваливали в кучи и сжигали; били подряд все окна, ломали ворота. Сопротивляющихся убивали на месте.

Разделавшись с Новгородом, опричное воинство двинулось к Пскову. Перепуганные псковичи выставили вдоль дорог столы с хлебом-солью, но разгром начался по тому же

сценарию, с церковью. Однако внезапно погром был прекращен, и царь со своим воинством покинул город. Причиной тому стал псковский юродивый Николай Салос. Это по его совету псковичи не стали заранее бежать из города, а встретили царя хлебом-солью. Когда же это не помогло, юродивый преградил царю дорогу на одной из улиц, суя ему под нос кусок сырого мяса. Так как в это время был Великий пост, то Грозный сказал: «Я христианин, не ем мяса постом». Тогда Салос начал обличать царя: «Ты делаешь хуже, ты пьешь человеческую кровь», и далее поучал его «ужасными словами», грозил смертью сначала царскому коню, а затем и царю. Не слушая юродивого, Грозный велел снять колокол с Троицкого собора, – но в тот же час под царем пал конь. Пророчества Николая начали сбываться. Царь в ужасе покинул Псков.

Некоторые историки считают, что причиной новгородского и намечавшегося псковского погрома была хорошо организованная литовскими «спецслужбами» провокация, или же опричники за несколько недель до погромов переусердствовали в допросах нескольких беглых литовских пленников из Новгорода, которые под пытками показали, что бежали с ведома некоторых знатных новгородцев. Так или иначе, но зимой 1570 года опричники уничтожили в Новгороде около половины жителей, десять или двадцать тысяч человек.

Летом 1570 года был раскрыт новый заговор в Москве. 25

июля были казнены более сотни людей. Печатника Висковатого распяли на деревянном кресте, затем живьем разрезали на части; казначея Никиту Фуникова заживо сварили в кипятке. В Москве готовился такой же погром, как в Новгороде. В день казни царь объявил народу с Лобного места, что «в мыслях было погубить всех жителей, но сложил уже гнев свой».

После новгородского разгрома ходило много слухов о том, что Бог наказал царя Ивана тяжелой неизлечимой болезнью. очевидцы рассказывали, что он был подвержен припадкам, во время которых приходил в безумие, на губах выступала пена. Всем известно, что в припадке гнева он убил заступившегося за свою жену сына Ивана, но не все знают, что Грозный руками душил своих незаконнорожденных детей.

Он и сам осознавал свои страшные грехи. В обращении к инокам Кирилло-Белозерского монастыря он писал: «А мне, псу смердящему, кому учить и чему наказати, в чем просветити? Сам бо всегда в пианьстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе».

Не в оправдание всего этого, но для сведения, можно лишь сказать, что и на королевских тронах Европы в те времена сидели кровавые правители, оставившие по себе дурную славу. Российскую историю того времени отличали лишь большие масштабы.

Волхвы и астрологи при дворе самодержца.

Расскажем теперь об одной примечательной стороне второй половины царствования Ивана Грозного. В XVI веке в Европе многие государи держали при себе личных астрологов. С 1555 года, после публикации «Центурий», пошла по Европе слава Нострадамуса. Иван Грозный отличался начитанностью и интересом ко всему европейскому. Вероятно с середины 1550-х гг., после установления прочных связей с Англией, при дворе московского царя появился английский врач и астролог Елисей Бомелей. Он стал первым царским астрологом; он не только составлял гороскопы и рассказывал их царю, но и обучал Ивана Васильевича астрологии. Известно, что Грозный полностью доверял своему астрологу, так что предсказывал он, видимо, точно. Однако он оказывал царю и иные услуги: готовил яды для впавших в немилость придворных, а некоторых из них отравил собственноручно.

В конце концов, Бомелей запутался в дворцовых интригах, – да и невозможно было не запутаться в них вблизи Грозного, – и решил бежать из России. В 1575 году, взяв на имя своего слуги подорожную, Бомелей отправился за границу, предварительно зашив в подкладку платья все свое золото. Но во Пскове подозрительного иноземца схватили и в цепях привезли в Москву. Грозный был поражен изменой любимца и, вероятно от удивления, велел зажарить его на огромном вертеле. Под пытками Бомелей оговорил новгородско-

го архиепископа Леонида и многих знатных лиц. Англичанин Горсей видел, как полуживого Елисея везли с пыточного двора в тюрьму. Он был казнен 2 августа 1575 года, вместе со всем первым после опричнины правительством. В народе Елисея Бомелея называли «лютым волхвом»...

Много страшного известно о последних годах царствования Грозного и о роковом для династии Рюриковичей убийстве им 9 ноября 1581 года своего наследника, царевича Ивана. Самому «царю языческому» оставалось тогда править меньше трех лет.

Но астрологи не переводились при московском дворе до самой смерти Ивана Грозного. Вот как описывает упоминавшийся выше англичанин Джером Горсей последние недели и дни тяжелобольного Ивана Грозного:

«Царь в гневе, не зная, на что решиться, приказал доставить с Севера немедленно множество кудесников и колдуний, привести их из того места, где их больше всего, между Холмогорами и Лапландией. Шестьдесят из них было доставлено в Москву, размещены под стражей. Ежедневно им приносили пищу и ежедневно их посещал царский любимец Богдан Бельский, который был единственным, кому царь доверял узнавать и доносить ему их ворожбу или предсказания о том, о чем он хотел знать. Этот его любимец, устав от дьявольских поступков тирана, от его злодейств и от злорадных замыслов этого Гелиогабалуса, негодовал на царя, который был занят теперь лишь оборотами солнца. Чаро-

дейки оповестили его, что самые сильные созвездия и могущественные планеты небес против царя, что они предрекают его кончину в определенный день (другие источники утверждают, что они сразу назвали день 18 марта. – Б. Р.); но Бельский не осмелился сказать все это царю; царь, узнав, впал в ярость и сказал, что очень похоже, что в тот день все они будут сожжены. У царя начали страшно распухать половые органы – признак того, что он грешил непрерывно в течение пятидесяти лет; он сам хвастал тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысячи его детей были лишены им жизни...» [11].

Далее Дж. Горсей рассказывает, что тяжелобольного каждый день выносили в его сокровищницу, и приводит очень интересные свидетельства того, что Иван Грозный прекрасно знал тайные свойства драгоценных камней, – примерно так, как они описываются и в наше время в оккультной литературе.

Вот как описывает далее англичанин последний день жизни Ивана Грозного, 18 марта 1584 года:

«В полдень он пересмотрел свое завещание, не думая, впрочем, о смерти, т. к. его много раз околдовывали, но каждый раз чары спадали, однако на этот раз дьявол не помог. Он приказал главному из своих врачей и аптекарей приготовить все необходимое для его развлечения и ванны. Желая узнать о предзнаменовании созвездий, он вновь послал к колдуньям своего любимца; тот пришел к ним и сказал, что

царь велит зарыть их или сжечь живьем за их ложные предсказания: день наступил, а он в полном здравии, как никогда. Колдуньи отвечали: «Господин, не гневайся. Ты знаешь, день окончится, только когда сядет солнце». Бельский поспешил к царю, который готовился к ванне. Около третьего часа дня царь вошел в нее, развлекаясь любимыми песнями (жаль, не написал Горсей, какими. – Б. Р), как он привык это делать; вышел около семи, хорошо освеженный. Его перенесли в другую комнату, он сел на свою постель, позвал Родиона Биркина, своего любимца, и приказал принести шахматы. Он разместил около себя своих слуг, своего главного любимца и Бориса Федоровича Годунова, а также других. Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик... Тем временем царя охватил приступ удушья, и он окоченел». [11].

Был вечер 18 марта 1584 года.

Умер Иван Васильевич «грозным царем языческим», разорителем церквей, народа и хозяином огромнейшей страны. Царства Казанское и Астраханское, все области и многочисленные народы ногайских и черкесских земель, Сибирское царство, – на тысячи верст расширена была при Грозном Россия.

Оставил Дж. Горсей и описание внешности самодержца:

«Он был приятной наружности, имел хорошие черты лица, высокий лоб, резкий голос – настоящий скиф, хитрый,

жестокий, кровожадный, безжалостный, сам по своей воле и разумению управлял как внутренними, так и внешними делами государства... Однако безграничное честолюбие, мудрость и воля человека оказываются лишь безрассудством в попытке помешать воле и власти Всевышнего, что и подтвердилось впоследствии» [11]

Глава 5. Смута.

Борис Годунов

Прошло семь лет. При слабом царе Федоре Иоанновиче правил Россией брат его жены Ирины, Борис Годунов. Один из современников потом сказал про него: «Пришел к власти, как лисица, правил, как лев, умер, как собака». Умный, волевой и полный благих намерений, он, однако, видимо, также шел против воли Всевышнего в отношении России. Все благие начинания Годунова непостижимым образом оборачивались во вред стране, народу и ему лично. К тому же несколько лет подряд стояли неурожайные годы и свирепствовала чума. Как свидетельствует упоминавшийся выше Дж. Горсей, в 1590–1591 гг. правитель отослал свои личные богатства в Соловецкий монастырь: «Он хотел, чтобы в случае необходимости они были там готовы к отправке в Англию...» [11]. Между тем сам англичанин собирался вернуться на родину, вокруг него сгущались тучи придворных заговоров, некоторые его слуги были отравлены, другие признались, что были подкуплены, чтобы отравить его. Борис Годунов, опасаясь за жизнь Горсея, отправил его в мае 1591 года на время до отъезда в Ярославль. Этот город расположен примерно на сто км восточнее Углича. Наступило

15 мая 1591 года. В «Записках» Горсея читаем:

«Кто-то застучал в мои ворота в полночь. Вооружившись пистолетами и другим оружием, которого у меня было много в запасе, я и мои пятнадцать слуг подошли к воротам с этим оружием. «Добрый друг мой, благородный Джером, мне нужно говорить с тобой», – я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата вдовствующей царицы (вдовы Ивана Грозного – Б. Р), матери юного царевича Дмитрия, находившегося в 25 милях от меня в Угличе. «Царевич Дмитрий мертв, дьяки зарезали его около шести часов; один из его слуг признался на пытке, что его послал Борис; царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа. Именем Христа, заклинаю тебя, помоги мне – дай какое-нибудь средство!» – «Увы! У меня нет ничего от яда действенного». Я не отважился открыть ворота, вбежал в дом, схватил банку с чистым прованским маслом (ту небольшую склянку с бальзамом, которую дала мне королева) и коробочку венецианского териака. «Это все, что у меня есть. Дай бог, чтобы это помогло», – я отдал все через забор, и он ускакал прочь. Сразу же город был разбужен караульными, рассказавшими, что был убит царевич Дмитрий». [11]

Свидетельство человека, всегда бывшего в хороших отношениях с Борисом Годуновым и связанного с ним также значительными финансовыми обязательствами, не оставляет сомнений, что последний Рюрикович, девятилетний Дмит-

рий, был убит по тайному приказу одного из членов совета Бориса Годунова, от его имени. Возможно, что сам правитель и не знал об этом тайном приказе или узнал позже. Впрочем, нельзя исключать и того, что Афанасий Нагой намеренно ввел своего друга Горсея в заблуждение (однако это все же маловероятно).

Документы «Угличского дела», расследованного по указу Годунова Василием Шуйским, казалось бы, не оставляют сомнений в нечаянной смерти царевича, якобы напоровшегося на ножик во время игры в «тычки» и случившегося с ним припадка эпилепсии («падучей»). Много раз (уже в наше время) эти документы исследовали историки на предмет подлинности свидетельств. Современная судебно-медицинская экспертиза подтверждает, что в принципе такое нечаянное самоубийство во время начальной стадии эпилептического припадка возможно [23], но тот же Юрий Молин после этого заключения пишет следующее:

«Основное внимание всех исследователей, изучавших работу угличской следственной группы, было приковано к В. И. Шуйскому... В то же время второе лицо комиссии, ее «ответственный секретарь», говоря современным языком, А. Лун-Клешиин, остался в исторической тени. А зря! Андрей Петрович, ранее бывший особо доверенным лицом Ивана Грозного, был еще воспитателем («дядькой») царевича Федора. Будучи активным сторонником и сподвижником Годунова, он выполнял ряд ответственных поручений пра-

вителя. Загадочна судьба его после угличских событий. Богатейший вельможа, влиятельнейший сановник в 1591 году (после участия в следствии) неожиданно принял постриг в отдаленном Пафнутиев-Боровском монастыре и превратился не просто в инока, а в схимонаха (т. е. находящегося в монастыре в безвыходном затворе) Левкия, принял ряд особых суровых обетов, надел вериги. Что случилось с Луп-Клешиным? Стремился ли он скрывать за монастырскими суровыми стенами? От кого? Томило ли его раскаяние? В связи с чем? Сплошные вопросы... Сцена встречи Годунова и Левкия в кремлевских палатах в 1605 году, описанная в трагедии «Царь Борис» А. К. Толстого, на самом деле, в соответствии с монастырской хроникой, состоялась в Пафнутиев-Боровском монастыре, куда тайно приехал для встречи царь. О чем он просил? Тайна сия велика есть. Существует предположение, что Клешин скрывает в монастыре ряд документов комиссии, свидетельствовавших о сути происшедшего. Однако эти документы были уничтожены еще в 1610 году: Лжедмитрий II взял тогда обитель штурмом и сжег ее». [23]

А. С. Пушкин вложил в уста Годунова и схимонаха такие слова:

Борис:

... Дай мне ответ по правде: в Углич ты
На розыск тот посылан с Шуйским был,

Дай мне ответ – и царствием небесным
Мне поклянись: убит иль нет Димитрий?

Клешнин:

Убит ли? Дивлюся я тебе.

Или мою не разглядел ты схиму?

Так посмотри же на мое лицо!

Зачем же я постился столько лет?

Зачем бы я носил вериги эти?

Зачем живой зарылся б в землю я,

Когда б убит он не был?

Ну а если бы царевич не был убит, каков бы он был на российском троне? Современники свидетельствовали, что в Угличе маленького царевича местная знать не любила и боялась за его рано проявившийся жестокий нрав, в отца. Так, в «Московской хронике» немецкого наемника Конрада Бусова мы читаем:

«А в царевиче с ранней юности стал сказываться отцовский жестокий нрав. Так, он однажды приказал своим товарищам по играм, молодым дворянским сынам, записать имена нескольких князей и вельмож и вылепить их фигуры из снега, после чего стал говорить: «Вот это пусть будет князь такой-то, это – боярин такой-то» и т. д., «с этим я поступлю так-то, когда буду царем, а с этим эдак» – и с этими словами стал отрубать у одной снежной куклы голову, у другой руку, у третьей ногу, а четвертую даже про-

ткнул насквозь. Это вызывало в них (у Бориса Годунова и его приближенных) страх и опасения, что жестокостью он пойдет в отца, и поэтому им хотелось, чтобы он уже лежал бы подле отца в могиле. Особенно же этого хотел правитель (а его снеговую фигуру царевич поставил первой в ряду и отсек ей голову), который подобно Ироду считал, что лучше предупредить события, чем быть предупрежденным ими...». [6]

Современные историки считают, что из всех известных записок и хроник иностранцев, бывших на русской службе в те времена, свидетельства Конрада Буссова наиболее достоверны. К тому же он был человеком весьма образованным и незаурядным. Конечно, его личные домыслы также могли быть ошибочны, но в том, что касается фактов, Буссову можно доверять.

Московский волхв Вакула.

Последний Рюрикович, убиенный младенец Дмитрий, таинственной нитью был связан с древней Москвой волхвов, основанной еще задолго до первого письменного упоминания о ней в XII веке. Исследователь ведической Руси А. Асов относит первые поселения вокруг Боровицкого холма к IV веку и связывает ее название с легендарным князем славян Моском [2]. Н месте Кремля, на Боровицком холме, располагалось тогда (а может и много раньше) ведическое свящи-

лице Велеса и Купалы и находился огромный валун (слово это, как мы уже говорили, связано с именем «скотьего бога» Велеса). Известно, что уже в летописные времена это святилище пользовалось большой славой и весьма почиталось жителями окрестностей. По велению Юрия Долгорукова (1125–1157) ведические святилища, в том числе и в Москве, начали перестраивать под христианские храмы, или возводили их на месте древних капищ, как действовавших, так и заброшенных.

В те времена, как утверждает А. Асов, на Боровицком капище жил последний московский волхв по имени Вакула. Так вот, «на пепле купальского костра», вблизи валуна, была заложена первая, еще деревянная, московская церковь во имя Иоанна Предтечи. Этот храм затем много раз горел, перестраивался. В 1461 году по велению Василия Темного ветхая деревянная церковь была разобрана, и на ее месте построили каменный храм. В 1509 году к нему пристроили придел, названный во имя святого мученика Уара (Вара), – египетского воина, тайного христианина IV века. В 307 году он был замучен начальниками-язычниками, и тело его было выброшено на съедение зверям, но через пять лет мощи его были чудесно спасены и захоронены в 312 году в Палестине.

Так вот, этот придел к храму был построен над тем самым валуном, а имя Уар получил затем при крещении младенец Дмитрий Иоанович (родился 19 октября 1581 года, в день памяти святого Уара). Его потом не один раз приносили к

священному камню, чтобы избавить от рано проявившейся болезни – эпилепсии. Валун был еще на месте в 1846 году, когда по указанию Николая I придел Уара разобрали при перестройке храма. Тогда же куда-то вывезли и камень Велеса. Известно из печати тех лет, что в Москве в связи с этим были волнения в народе...

Жизнь и смерть царевича Дмитрия оказались связаны с Уаром. И кстати, тело его после смерти обрело «вторую жизнь», – однако лихая же это была жизнь, и даже не одна! Но это произошло не сразу, как и с мучеником Уаром. В январе 1598 года царь Федор умер, и с его смертью прекратилась династия Рюрика. От восшествия на киевский престол легендарного Олега в 882 году прошло 716 лет. В том же году на Земском соборе царем был избран Борис Годунов. Ему было тогда 46 лет. Он долго не решался надеть шапку Мономаха. 21 февраля в Новодевичий монастырь, где уединился Годунов с семьей, патриарх с крестным ходом пришел умолять Бориса о принятии короны. Трудно было, видимо, вступить на престол через память об убиенном семь лет назад Дмитрии, но, как выразился у Пушкина Василий Шуйский:

Перешагнет; Борис не так-то робок!

Какая честь для нас, для всей Руси!

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,

Зять палача и сам в душе палач,

Возьмет венец и бармы Мономаха...

Перешагнул... В 1601 году начались сильнейшие невро-

жаи, голод, чума, и продолжались три года. Царь строил новые города и крепости, возводил каменную Москву, выделял хлеб голодным из казенных запасов. Он правил благочинно и умно, но, повторим, почти непостижимым образом все менялось только к худшему.

Конрад Буссов в упоминавшихся «Московских хрониках» пишет об этом так:

«Но, сказать по правде, это была кара Божия, ниспосланная для того, чтобы Борис узнал, что никакая премудрость не устоит против Бога и что Бог может обратить в глупость лукавый ум... Заключенные им союзы со многими могущественными властителями ни к чему не привели, все труды и старания, которые он с великим разумением положил на улучшения в стране, мало кем ценились; неслыханно обильная милостыня, которую он раздавал во время длившейся несколько лет подряд великой дороговизны, не спасла бедный народ от сильного голода и мора в его стране, и люди гибли тысячами... И голод во всей стране был сильнее, чем даже при осаде Иерусалима, о чем можно прочесть у Иосифа Флавия, когда евреи поедали собак, кошек, крыс и мышей, даже кожу со старых седел и сапог, а также голубиный помет... Клянусь Богом, истинная правда, что я собственными глазами видел, как люди лежали на улицах и, подобно скоту, пожирали летом траву, зимой сено. Некоторые были уже мертвы, у них изо рта торчали сено и навоз... Не сосчитать, сколько детей было убито, зарезано, сваре-

но родителями, родителей – детьми, гостей – хозяевами и, наоборот, хозяев – гостями...». [6]

Да, таковы последствия убийства одного младенца... Впрочем, если верить прежнему царю, Грозному (его покаянному синодику 1583 года), то он собственноручно задушил тысячу своих незаконнорожденных детей...

Небесный свидетель истории: комета Галлея.

В январе 1604 года до Годунова доходят слухи о том, что в Польше объявился самозванец, выдающий себя за сына Ивана Грозного, Дмитрия, чудесно спасенного 15 мая 1591 года в Угличе верными людьми. С этого времени в Москве начинаются знамения.

«По ночам на небе появлялось грозное сверкание, как если бы одно войско билось с другим, и от него становилось так светло и ясно, как будто взошел месяц... Много раз поднимались днем невиданные бури, которые сносили башни городских ворот и кресты со многих церквей...»

У людей и скота рождалось много странных уродов. Не стало рыбы в воде, птицы в воздухе, дичи в лесу; а то, что варилось и подавалось на стол, не имело своего прежнего вкуса, хотя и было хорошо приготовлено... В одной деревне собака пожрала собаку, в другой – волк пожрал волка. Волки бродили такими большими стаями, что путешественникам нельзя было пускаться в путь маленькими отрядами...

ми... Разной породы лисицы, голубые, красные, черные, бегали среди белого дня по Москве внутри стен, и их ловили. Это продолжалось целый год, и никто не знал, откуда приходит столько лисиц...». [6].

Конрад Буссов приводит эти свидетельства в записях 1604 года, не связывая их со слухами о Лжедмитрии. Далее он пишет:

«В том же 1604 году, в следующее воскресенье после Троицы, в ясный полдень, над самым Московским Кремлем, совсем рядом с солнцем, показалась яркая и ослепительно сверкающая большая звезда, чему даже русские, обычно ни во что не ставившие знамена, весьма изумились. Когда об этом было доложено царю, он тотчас же потребовал к себе одного достойного старца, которого он за несколько лет до того выписал к себе в Москву из Лифляндии и одарил прекрасными поместьями, и к которому за проявленную им преданность особо благоволил. Царь велел думному дьяку Афанасию Ивановичу Власьеву спросить этого старца, что он думает о таких новых звездах. Тот ответил, что Господь Бог такими необычными звездами и кометами предостерегает великих государей, и ему, царю, следует хорошенько открыть глаза и поглядеть, кому он оказывает доверие, крепко стеречь рубежи своего государства и тщательно оберегать их от чужеземных гостей, ибо в тех местах, где появляются такие звезды, случаются обычно немалые раздоры...». [6].

Это была комета Галлея, которая примерно раз в 76 лет, следуя своей орбите, приближается к Земле, но не каждый раз и не везде бывает видна. Православная Троица в 1604 году пришлась на 27 (по новому стилю) мая, воскресенье, но Конрад Буссов, судя по его «хроникам», отмечал праздники по лютеранскому обычаю, т. е. на 10 дней раньше. Тогда получается, что комета Галлея была видна над Кремлем в воскресенье 20 (30 по новому стилю) мая. С ее появлением всегда происходят какие-то важные события: она как будто предвещает их.

Это небесное тело получило свое название в честь Эдуарда Галлея, предсказавшего ее возвращение в 1758 году. С 446 года до н. э. (первое письменное упоминание о ней) до 1986 года она появлялась на небе 30 раз, последний раз в середине апреля 1986 года, за несколько дней до Чернобыля. В 1604 году было ее двадцать пятое явление. До этого ее видели в Киеве 15–16 августа 989 года, – в дни крещения Руси, – мы рассказывали об этом во второй главе.

Астрофизик А. Чечельницкий в своем исследовании «Крещение Руси» приводит следующие данные:

«451 год н. э. Вместе с двумя лунными затмениями, упоминаемыми летописцами того времени (2 апреля и 26 сентября), которые помогли точно определить дату ее появления и прохождение перигелия, появление кометы, по мнению тех летописцев, было провозвестником поражения «бича божьего» Атиллы, – он ушел за Рейн и затем умер в 453

году. «Бич божий», как называли его в Европе, предводитель гуннов, вторгся во Францию, опустошил и разорил ее. Войско Атиллы было разбито вскоре после появления кометы Галлея на Каталунской равнине, на поле боя осталось 180 тысяч убитых, – небывалая битва для тех времен.

837 год н. э. Неизвестный астроном при французском дворе пишет: «К Пасхе появилась в созвездии Девы комета, которая в 25 дней пробежала созвездия Льва, Рака, Близнецов и развила в созвездии Тельца, у ног Возничего, длинный хвост. Король Людовик Кроткий, убежденный, что кометы предвещают смерть великих людей, призвал меня в Аахен и спрашивал о значении этого ужасного знамения, потому что я изучал небо. И я пытался разуверить его, указывая на слово Писания: "Не бойтесь знамений Неба". На это благочестивый монарх возразил: "Я не боюсь их, но Господь, без сомнения, указывает мне, что я должен готовиться к смерти". Вскоре он отдал королевство детям, которые и раньше настаивали, чтобы он это сделал, и через два года умер»». [42].

Заметим, что астрологи всегда отмечали, в каком знаке появляется комета или новая звезда, вблизи какой планеты или светила, – это служило указаниями к пониманию смысла знамения. Так, в этом случае комета появилась в знаке Девы, связанном с подчинением, чувством долга. Король должен подчиниться чьим-то требованиям. Дальше она видна в знаках Льва и Рака – это знаки царской власти, детей и се-

ми. Возможно, что Людовик Кроткий (готовый, как видно по прозвищу, к подчинению) воспринял сообщение астролога о движении кометы именно так.

20 мая 1604 года в полдень, комета Галлея появилась «совсем рядом с солнцем», как пишет Буссов. Нетрудно установить, что Солнце было тогда в созвездии Близнецов. Солнце в мировой астрологии всегда связывается с царской властью, а знак Близнецов предвещал появление «близнеца» убиенного Дмитрия. К тому же знак Близнецов связан еще со слухами, сплетнями, обманом. Если бы у того лифляндского старца, которого призвал Борис Годунов, был компьютер, то он смог бы установить, что Солнце в тот полдень находилось к тому же в так называемом «королевском» (девятом) градусе Близнецов, а управитель Близнецов, Меркурий – в так называемом «разрушительном» (тринадцатом) градусе того же знака, что подтверждает вышесказанное. Более того, он увидел бы, что символ беды любого гороскопа, Черная Луна (апогей луны) была в восьмом градусе Овна, характеристики которого для этого случая (когда там Черная Луна) таковы: авантюра, подлость, мятеж! Более того, эта Черная Луна находилась в соединении с Прозерпиной, что астрологи всегда толкуют как влияние тяжких грехов предков, и, наконец, Черная Луна с Прозерпиной в знаке Овна связана с убийством детей, – вот такая информация открывается из одной строки «Московских хроник» Конрада Буссова.

Вряд ли лифляндский старец-астролог мог точно вычис-

лить градусы зодиака, в котором оказались Солнце и Меркурий; не знал он, скорее всего, и о Черной Луне и Прозерпине в знаке Овна, – в те времена астрологи вынужденно ограничивались семью планетами и светилами. Но он наверняка знал, что оба светила (они связаны еще с глазами человека) и Меркурий находились в знаке Близнецов, так что слова о том, что царю «следует хорошенько открыть глаза и поглядеть, кому он оказывает доверие», точно соответствуют астрологической науке того времени. Также этот астролог мог знать, что Сатурн (крепость, ограда, опасность) располагался в знаке Стрельца (дальние рубежи, зарубежье) и в точной оппозиции к Солнцу (царь), так что и его наказ «крепко стеречь рубежи своего государства и тщательно оберегать их от иноземных гостей» точно интерпретирует доступную ему небесную карту (гороскоп) события. По существу, он сообщил Годунову вполне достаточную и точную информацию – и если бы в царских силах было выполнить советы старца, то самозванец не пришел бы на Русь и заговоры в его пользу в Москве были бы раскрыты. Но, как мы знаем, это оказалось не в силах властителя, да и не может человек превозмочь волю Всевышнего.

* * *

Продолжим наш рассказ о Смуте.

В августе 1604 года Лжедмитрий I и Юрий Мнишек (отец Марины, жены самозванца) с войском уже выступили в поход из Львова. За Днепром к ним примкнули тысячи каза-

ков. По всем городам и весям Руси на пути к Москве рассылались «подметные грамоты» и тайные агенты, описывавшие подробности мнимого спасения царевича в 1591 году и всю его дальнейшую жизнь. Кто был этот самозванец, до сих пор остается тайной. Наиболее правдоподобную версию дал, видимо, Конрад Буссов в «Московских хрониках». Борис Годунов и его окружение в Москве считали, что это расстрига Григорий Отрепьев, но они ошибались, и самозванец тут же воспользовался их ошибкой: в Путивле он призвал Отрепьева и показывал его народу [6]. А вот что писал Конрад Буссов о событиях 1602 года, когда все еще только готовилось:

«Был один монах, по имени Гришка Отрепьев. Его, поскольку он и все монахи были заодно с изменниками и мятежниками против Бориса, подготовили, чтобы он уехал, а для того, чтобы все осталось незамеченным, объявили, что он бежал из монастыря. Ему было дано приказание ехать в королевство Польское и в большой тайне высмотреть там какого-либо юношу, который возрастом и обличьем был бы схож с убитым в Угличе Димитрием, а когда он такого найдет, то убедить его, чтобы он выдал себя за Димитрия и говорил бы, что тогда, когда собирались его убить, преданные люди, по соизволению Божию, в великой тайне увели его оттуда, а вместо него был бы убит другой мальчик. Монаха подгонять не пришлось; прибыв на польский рубеж, на Борисфен в Белоруссии (который принадлежит польской короне), он немедля расставил сети и заполучил, наконец, та-

кого, какого ему хотелось, а именно – благородного, храброго юношу, который, как мне поведали знатные поляки, был незаконным сыном бывшего польского короля Стефана Батория. Этого юношу монах научил всему, что нужно было для выполнения замысла.

После обстоятельного наставления он дал ему совет: постараться поступить на службу к князю Адаму Вишневецкому, деду польского короля, потому что тот живет в Белоруссии у самого московитского рубежа, а когда ему это удастся и он как-нибудь потом найдет благоприятный случай, то пусть с печальным видом и грустными словами жалуется на свое злосчастье и откроет князю, что он прямой наследник Московского государства и младший сын прежнего царя Ивана Васильевича... Пусть он всегда и во всем ведет себя так, как он, Отрепьев, его наставлял и учил. А чтобы князья и другие во всем могли ему поверить (когда он со временем откроется им), монах передал ему еще и золотой крестик, который убитому Димитрию был дан при крещении крестным отцом, князем Иваном Мстиславским, и был у мальчика на шее, когда его убили. На этом кресте были вырезаны имена Димитрия и его крестного отца. После того, как монах (Григорий Отрепьев) наладил это обманное дело, он опять вернулся в Россию, распространять слухи о живом Димитрии и подкупать нужных людей... И посланный монах Гришка Отрепьев не пожалел трудов...».

Затем Конрад Буссов подробно рассказывает, как выбранному Отрепьевым самозванцу удалось воплотить в жизнь его планы. Очень правдоподобно, и неудивительно, что поляки первые поверили самозванцу, – ну да им это было и выгодно. Наверняка у Стефана Батория, как и у всех королей его времени, было немало незаконнорожденных детей – десятки, если не сотни. Не так уж сложно было найти в Польше молодого человека с царской харизмой...

Но неужели и в это время в Москве не нашлось никого, кто прямо в глаза сказал бы Годунову то, о чем ходили слухи по всем городам? Один человек нашелся, и это был юродивый Христа ради, **Николка**:

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Юродивый

Николку маленькие дети обижают...

Вели их зарезать, как зарезал ты
маленького царевича.

Так было в Москве. На Украине, куда вступил самозванец, все было хорошо подготовлено. Тамашний народ, многие князья и воеводы не любили «москалей» и Бориса, так что Лжедмитрий I быстро набрал силу. С переменным успехом, с боями, продвигался он к Москве; к весне 1604 года

его войско было в Путивле, и положение Бориса Годунова стало, видимо, безнадежным.

13 апреля 1605 года утром он был еще жив и здоров, а вечером умер, приняв яд, – такова версия Конрада Буссова [6]. Но здесь он, возможно, ошибается. Годунов последние годы был сильно болен и умер, скорее всего, от апоплексического удара. В тот день, после торжественного приема датских послов, у него, едва он встал из-за стола, открылось сильнейшее кровотечение из носу, рта, ушей. Врачи тщетно пытались помочь. Через два часа он скончался, успев постричься в иноки под именем Боголепа [17].

Борис владел царским престолом с 1 сентября 1597 по 13 апреля 1605 года, неполные восемь несчастных для России лет. Н престоле остался Федор Борисович, сын Годунова. Измены в московских войсках усилились; стало очень неспокойно в самой Москве.

3 июня 1605 года посланцам Лжедмитрия I удалось выступить с обращением к горожанам с Лобного места на Красной площади. Толпа ворвалась в Кремль, Годуновых (Федора, его жену и мать) схватили и взяли под охрану. В тот же день была послана самозванцу повинная грамота: умоляли простить город, придти и царствовать. Лжедмитрий был уже совсем рядом со столицей, в Серпухове. Он ответил, что не придет прежде, чем будет уничтожена вся предавшая его семья Годуновых. Его послание было получено 10 июня, в тот же день Годуновы были убиты в своих покоях. 16 июня са-

мозванец встал лагерем на лугу под самой Москвой. 20 июня пришли к нему боярская и другие делегации, – в том числе от немцев, ранее верно служивших Грозному, затем Годунову, теперь готовых так же верно служить новой власти.

Самозванец принял дары, всех простил и в тот же день, при огромном стечении народа и всеобщем ликовании, въехал в Москву и вошел в Кремль. 29 (по Д. Иловайскому – 21) июня Лжедмитрий I короновался в Успенском соборе согласно всем русским обычаям и церемониям. Важно подчеркнуть, что он был помазан на царство в полном соответствии со всеми законами России, и с того дня являлся ее законным царем, кто бы он ни был на самом деле.

Недолгое правление Лжедмитрия I все историки описывают как полезное и благодетельное для России, но явно на польский манер. Известно, что он предпринял также ряд крупных дипломатических акций для союза с европейскими монархиями против Турции. Римский папа Павел V одобрял его инициативы и написал ему несколько писем, увещевая также вернуться в католическое вероисповедание. Образ жизни новый государь вел веселый, даже разгульный. Менее чем за год он потратил на увеселения огромные деньги из московской казны.

Известный историк XIX века, упомянутый ранее Д. Иловайский, в «Новой династии» писал:

«Но в чем особенно сказались крайняя распущенность и легкомыслие сего польского исчадия, так это в необуздан-

ном любострастии... Самые монастыри не были пощажены, многие молодые монахини впали в число его жертв. Говорят, после смерти Лжедмитрия оказалось до тридцати женщин, которые по его вине готовились сделаться матерями... И это за неполный год, до приезда невесты, Марии Мнишек. Если это правда, то, по скромным подсчетам, в начале XX века в городах России могли жить до тридцати тысяч потомков Лжедмитрия...». [17].

Как он выглядел? Описания оставили многие современники; одно из подробных – французский наемник, капитан Жак Маржерет:

«Ему было лет около двадцати пяти; бороды совсем не имел, был среднего роста, с сильными и жилистыми членами, смугл лицом; у него была бородавка около носа, под правым глазом (по другим свидетельствам – еще одна на лбу); был ловок, большого ума, был милосерден, вспыльчив, но отходчив, щедр; наконец, был государем, любившим честь и имевшим к ней уважение». [22].

Лжедмитрий быстро и, похоже, успешно начал наводить порядок: для чиновников весьма суровый (против взяток); для купцов, ремесленников и прочих людей дела, и для всех иноземцев – весьма либеральный; отменил многие церемонии, правил просто. Через несколько месяцев Россия начала оправляться от страшных лет голода и чумы. Однако Лжедмитрий I наводнил Москву поляками и чуть не демонстративно нарушал вековые обычаи русских царей.

{Примечание. Современные историки считают, что значительную часть свиты как Дмитрия, так и Марины составляли не поляки, а предки нынешних литовцев и белорусов, причем большинство из них были православными. Однако, так или иначе, но для Москвы они были «ляхи».

Конрад Буссов приводит некоторые нарушения: не отдыхал после обеда; почти никогда не осенял себя крестом и не позволял опрыскивать святой водой; ходил по городу без церемоний, а иногда и один – так что даже не знали, где он; на богомолья ехал не в карете, а скакал верхом, да еще на самом резвом коне; рисковал на охоте и отказывался от помощи бояр; предпочитал польские блюда [6].

Вскоре новому государю стали строить козни, распускать о нем слухи, – не русский! Заговор был раскрыт. Виновных стрельцов отдали их невиновным товарищам на растерзание (такого способа казни в Москве еще не было); главу заговора, старого лиса Василия Шуйского, приговорили к смерти, однако отходчивый государь простил его – себе на погибель... Вроде бы все примирились с новым царем.

1 мая 1606 года в Москву прибыла царская невеста, Мария Мнишек, – ее встречали десятки тысяч человек, специально одетых для этой церемонии. Невеста ехала в карете, запряженной восемью лошадьми, серых в яблоках, с выкрашенными в красный цвет гривами и хвостами; за ее каретой следовали десятки карет фрейлин невесты и польских гостей. Их сопровождали 300 польских гайдуков в невидан-

ных на Руси латах, в полном вооружении; всего же прибыло до пяти тысяч поляков. Московский люд призадумался... Поляков в России никогда особо не любили. Василий Шуйский начал новый заговор, гораздо более обширный и тайный.

8 мая 1606 года состоялось бракосочетание Димитрия и польской панны Марии Юрьевны Мнишек, и в тот же день на нее был возложен венец царицы всея Руси. Она была помазана на царство так же законно, как и самозванец. Теперь их будущие дети становились законными наследниками российской короны. В народе же говорили: «Взял девку латинской веры и, не крестив ее, венчался». Это сразу сильно подорвало доверие к самозванцу.

В Москве в то время жило около ста тысяч человек. Поляков («ляхов») в те дни было примерно пять тысяч – немало! Димитрий, похоже, потерял голову от счастья. Марине и ее свите он разрешил ходить везде в польских платьях; поляки три дня пили и начали бесчинства по городу – были драки, грабежи, изнасилования знатных особ, женщин вытаскивали прямо из карет.

Конрад Буссов, бывший в это время на службе нового государя, рассказывает:

«В субботу 10 мая, на третий день свадьбы, царь приказал приготовить в кухне все по-польски и среди других кушаний – вареную и жареную телятину. Когда русские повара увидели это и рассказали всем, в царь стали сильно сомне-

ваться, и русские стали говорить, что он, верно, поляк, а не москвит, ибо телятина считается у них нечистой и ее не едят...» [6]

12 мая в народе стали открыто говорить, что царь – поганый. Тотчас государю об этом было доложено, но он, уверенный в себе и в силе пяти тысяч поляков, продолжал веселиться. Василий Шуйский сотоварищи тем временем наметил точный план и сумел довести его до тысяч горожан.

17 мая в третьем часу утра, когда царь и польские вельможи только начали отсыпаться на девятый, пожалуй, день похмелья, все колокола Москвы ударили в набат, почти три тысячи церковей в тысяч двадцать (не меньше) колоколов! Сотня тысяч горожан поднялась на ноги, тысячи вооруженных (кто копьями, кто топорами, кто саблями и ружьями) заговорщиков ворвались в Кремль. Началась кровавая заутреня. Димитрий сопротивлялся бесстрашно и отважно, сумел даже прорваться сквозь ряды стрельцов и скрыться через потайной ход, затем, преследуемый, прыгнул из окна высоченной башни, подвернул ногу и был схвачен стрельцами Шуйского.

Как свидетельствует Конрад Буссов, восставшие «разыграли с бедным Димитрием действо о муках страстных несколько не хуже, чем евреи с Иисусом Христом» [6]. Били, переодели в чучело, издевались; требовали признаться в самозванстве, однако он молчал. Затем князя и бояре там же, в Кремле, зарубили его саблями и проткнули пиками и сбро-

сили с высокого царского крыльца.

Царствовал Лжедмитрий I с 29 июня 1605 года по 17 мая 1605 года, неполных одиннадцать месяцев. Множество поляков погибли в тот день в Москве. В следующую ночь наступили небывалые в мае холода, продлившиеся восемь дней, которые погубили все хлеба, многие плодовые деревья и даже траву на полях. Эти сведения можно найти в «Записках» Жака Маржерета, французского наемника, бывшего на службе сначала в войсках Бориса Годунова, а затем у обоих Лжедмитриев.

Тела Дмитрия и его ближайшего помощника, Петра Басманова, в ночь на 18 мая выволокли из Кремля и положили на столе посреди ближайшего базара. Трое суток их тела оплевывал и проклинал народ.

Наступило 20 мая – прошло ровно два года от явления огненной кометы над Кремлем. Далее вновь свидетельствует Конрад Буссов:

«На третью ночь по обеим сторонам стола появились из земли огни. Когда сторожа подходили ближе, они исчезали, а когда удалялись, огни снова загорались, что привело сторожей в ужас, и они донесли об этом знатным вельможам, которые сами пошли туда, подождали там и тоже увидели это и поэтому распорядились рано утром увезти тело в Божий дом за Серпуховские ворота и там бросить. Когда тело увозили, поднялась ужасная буря, но не во всем городе, а только по тем местам, где везли покойника, и она сорвала

на Кулишке крышу с башни ворот, едва мертвеца через них провезли. Серпуховские ворота, – а это последние во внешней стене с тремя башнями, средняя из которых чуть выше, чем боковые, – ветер сорвал вместе со стеной деревянной до фундамента и отбросил к самым Яузским воротам. Четвертое чудо произошло в Божьем доме, куда Димитрия бросили к другим мертвецам. На другое утро он лежал там перед воротами, которые ведь были заперты, а у тела сидело два голубя...». [6].

Далее Буссов рассказывает, что тело закопали в яму, но через несколько дней, 27 мая, его нашли на другом кладбище, далеко от Божьего дома. Весь город немало перепугался. 28 мая тело сожгли, а прах развеяли по ветру (по легенде, выстрелили из «Царь-пушки» в сторону запада). Заметим при этом, что оставшиеся в живых поляки в те же дни заявили, что убит был не Димитрий, а похожий на него немец. Однако Буссов, на глазах которого все это происходило, решительно утверждает, что убили 17 мая самозванца, при этом отзывается о нем похвально, осуждая «московитов» за варварство, проявленное в те дни.

В конце мая Марина Мнишек и ее отец были высланы из Москвы под стражу в Ярославль.

Не будем подробно рассказывать о кратком правлении Василия Шуйского, клятвопреступника (дважды перед всем миром утверждал противоположное о сыне Грозного) и царубийце, т. к. под его началом убили помазанного на трон

Димитрия, хотя и самозванца. Но проследим развитие смуты дальше.

Уже в августе того же 1606 года князь Григорий Шаховской, бежавший в Польшу с золотой государственной печатью, распустил слухи, что убит был не Димитрий, что сын Грозного опять спасся от врагов. Кто был Лжедимитрий II, не известно. Но сразу же в Москве нашлись люди, поверившие во второе чудесное спасение сына Ивана Грозного. Вскоре от Василия Шуйского откололись в пользу нового самозванца многие города к западу от Москвы. Военным предводителем нового мятежа стал беглый холоп, повидавший Европу, умелый воин Иван Болотников. Вскоре к мятежу присоединились северные и восточные земли. Снова Русь засыпали «подметными листами», мятеж разрастался.

Через год, в октябре 1607 года, войско Болотникова расположилось лагерем в селе Коломенском, в семи верстах от столицы, и беглый холоп взял Москву в осаду; в Туле также были его казаки. Между тем нового Димитрия в лагере не было. Еще ранее организаторы мятежа «на всякий случай» нашли внука Ивана Грозного (сына слабоумного Федора), полузабытого опального Петра, чтобы, если второй Димитрий так и не объявится, сделать ставку на него. Болотников послал в Польшу Заруцкого – привезти Димитрия.

Конрад Буссов в «Московских хрониках» утверждает, что сандомирские воеводы в Польше нашли бывшего «москови-та», белорусского попа и учителя по имени Иван (больше о

нем ничего не известно), который был похож на первого самозванца и согласился сыграть эту лихую роль [6]. С немалым трудом и приключениями Лжедмитрий II добрался до Стародуба, где ждал его Заруцкий.

Между тем Болотников в своих «подметных листах» призывал чернь грабить бояр и хозяев, самим становиться боярами. Это возмутило не только бояр, но и всю домовитую часть народа. Василий Шуйский подкупом и осадой вынудил Болотникова и Петра сдаться на милость победителя. Лжедмитрий II со своими сторонниками был в Калуге, затем под Брянском.

Настал 1608 год. Под Брянском к самозванцу пришел Адам Вишневецкий (благодетель первого Лжедмитрия) с четырьмя тысячами конных копейщиков. В апреле, когда сошли глубокие снега, начались сражения с войсками Шуйского. В начале лета к самозванцу пришли из Литвы еще семь тысяч конников. 29 июня 1608 года Лжедмитрий II разбил большой лагерь в Тушине, в двенадцати верстах от московских стен. Началось длительное «тушинское стояние», до 29 декабря 1609 года, в продолжение которого было множество схваток, множество перебежчиков в обе стороны и измен.

Во время этого «тушинского стояния» Василий Шуйский решил, от греха подальше, отправить Марину Мнишек с отцом в Польшу. Они, конечно, согласились, и отправились окольными дорогами, в сопровождении небольшого отряда. Узнав об этом, Лжедмитрий II отрядил несколько тысяч кон-

ников им вдогонку, и они настигли небольшой отряд Шуйского. Верила ли Мнишек, помазанная 8 мая 1606 года на русское царство, в чудесное спасение своего мужа, или нет, не известно, но она согласилась ехать в Тушино. Там она, как известно, с плачем и слезами признала супруга («ну конечно», – как замечает в своих хрониках Конрад Буссов). Это известие во многом способствовало новым успехам второго самозванца.

Не знаю, верить ли Буссову в том, что он написал далее о Василии Шуйском, – ведь он был ранее обижен им и сражался затем в войсках Болотникова, и был в Калуге и Тушине с самозванцем. Однако он честно пишет о том, что ни минуты не сомневался в самозванстве обоих Дмитриев, поэтому мы склонны верить ему и в следующих свидетельствах:

«Шуйский, видя, что Бог не шлет ему счастья, обратился к помощи дьявола и его орудий, стал вовсю заниматься колдовством, собрал всех слуг дьявола, чернокнижников, каких только можно было сыскать в стране, чтобы то, чего не сумел бы один, мог бы сделать другой. У многих беременных женщин он велел разрезать чрево и вынуть из него плод, а также убить много здоровых лошадей, и вынуть у них сердце. Тем самым колдуны добились того, что если такое сердце куда-либо закапывали, то люди Шуйского побеждали, стоило только воинам Дмитрия перейти за эту черту. Если же московиты переходили эту черту, то тогда поляки их одолевали». [6]

В 1609 году Русская земля со всех сторон подверглась нападениям, нашествиям и притеснениям. Польский король Сигизмунд II осадил Смоленск, в Великом Новгороде стояли шведы, неоднократно вторгались с юга татары. Ссоры с поляками Сигизмунда и шведская угроза заставили самозванца осенью 1609 года уйти из Тушина в Калугу, а в марте 1610 из Тушина ушли все. В Москву вступили войска-освободители Михаила Скопина-Шуйского, племянника Василия. Однако вскоре он был отравлен. С запада приближались поляки короля Сигизмунда. С другой стороны к Москве вновь подходил «тушинский вор». Город был в смятении.

17 июля 1610 года Василий Шуйский был свергнут с престола, 19 июля насильственно пострижен в монахи. Боярская дума, ища выхода, решила обратиться к сыну польского короля Владиславу с просьбой стать новым московским государем, – при многих условиях, главным из которых было принять и охранять православную веру и русские обычаи и порядки.

27 августа 1610 года Москва торжественно присягнула королевичу Владиславу, позже (2 января 1611 года) ему присягнули города и крепости России. Лжедмитрий II был снова отогнан от Москвы и вновь бежал в Калугу. Однако Владислав тянул с принятием православия и не приезжал, а Москва опять была во власти поляков.

Раздор был и в стане Лжедмитрия II. 11 декабря 1610 года он был убит татарским князем Петром Урусовым, ото-

мстившим за гибель по приказу самозванца другого татарского князя. Тело самозванца нашли в поле с отрубленной головой и с огнестрельными ранами на теле.

Марина Мнишек была в это время на последних месяцах беременности. Вскоре после этого она родила сына Ивана, который формально являлся законным наследником русского престола, т. к., напомним, сама Марина Юрьевна была помазана на царство 8 мая 1606 года.

Дальнейшие события, первое и второе земские ополчения, подвиг нижегородского земского старосты Кузьмы Минина и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского хорошо известны нам из школьной истории. Менее известно, может быть, то, что начало этого народного движения было связано с чудесными видениями инокам, монахам, схимникам во многих монастырях о будущем спасении родины и о том, что необходимо сделать для этого. По городам и весям об этих видениях распространялись не только слухи и сказания, но рукописные листы и целые повести. В описании одного из чудесных видений говорилось [17]:

«Аще человецы во всей Русской земле покаются и постятся три дня и три ночи: в понедельник, вторник и среду, не токмо старые и юные, но и младенцы, Московское государство очистится – вещал Господь. – Тогда пусть поставят новый храм подле Троицы на Рву (Василия Блаженного – Б. Р.) и положат хартию на престол; на той хартии будет написано, кому у них быть царем. Аще не покаются и не учнут

поститься, то все погибнут и все царство разорится».

Это сказание широко распространилось по Москве, Нижнему Новгороду, по всей Руси [17]. Таких грамот и слухов было много, во многих содержались призывы к посту и покаянию за грехи беззакония, нечестия, блудодействия. Известно, что «по совету всей земли Московского государства» действительно было установлено трехдневное воздержание от пищи и питья всякому полу и возрасту. В некоторых местах оно соблюдалось с такой строгостью, что многие не выдерживали и умирали, особенно младенцы...

Значительную роль в деле духовного очищения и организации народного сопротивления сыграла в те годы Троицкая Лавра, с честью выдержавшая долгую осаду поляков. Ее монахи строили во многих монастырских слободах и окружающих селах больницы, приюты для бездомных; монастырских слуг рассылали по дорогам и лесам подбирать больных и раненых, хоронить мертвецов. В Лавре же писали во множестве грамоты и увещевания в разные города с подробными разъяснениями о положении в стране и о том, кто из власть предержащих радеет за Русь, а кто предает ее, и что надобно делать для прекращения смуты. Троицкая Лавра была и организационным центром собирания сил и связи с народным ополчением Минина и Пожарского.

В августе 1612 года народное ополчение Пожарского подошло к Москве и разбило польские войска, шедшие на выручку московским полякам. 22 октября 1612 года казаки По-

жарского приступом взяли Китай-город, а через несколько дней сдались и осажденные в Кремле поляки. Земское ополчение, вокруг которого объединилась к тому времени вся Россия, вступило в Москву при звоне всех колоколов и ликовании народа, претерпевшего за годы смуты невиданные бедствия и притеснения...

Все десять, а может и больше «казней египетских» пертерпела страна от 1591 до 1613 года, от убийства царевича Дмитрия до первого Романова. Впрочем, царствование Михаила Федоровича также началось с убийства ребенка: в 1614 году был публично повешен четырехлетний Иван Мнишек, сын Марины, – мы еще будем говорить об этом.

Конрад Буссов закончил хроники в Риге 1 марта 1612 года, а уже в первый год царствования Михаила Романова дописал следующие слова, обращение к Богу о судьбе русского народа:

«Боже праведный, кому все подвластно, положи в милости своей конец этим долгим кровавым войнам и окажи такую милость, чтобы эти закоренелые египтяне отступили от своего идолопоклонства и обратились к истинной, праведной вере Христовой, признали и осознали свою вину и греховность, покаялись перед господом Богом, утихомирились и успокоились и служили своему королю вернее и покорнее, чем прежде. Да сбудется и совершится это всемогущее волею Божией во славу и хвалу его пречестного имени, на распространение святого слова Божия, на умножение и бла-

го всего христианства, особенно же на утешение всем живущим в этой стране, еще уцелевшей в столь тяжких войнах бедным христианам (среди которых, увы, и мой старший сын по имени Конрад Буссов, и некоторые другие близкие родственники, которые, как упоминалось выше, приехали из Лифляндии в правление Бориса Федоровича), ради возлюбленного сына твоего, истинного князя миролюбия, Иисуса Христа. Аминь! Аминь! Аминь!». [6].

Умер Буссов в 1617 году в Германии.

* * *

Итак, Смута началась на Руси в 1603–1604 году (с началом слухов о самозванце) и продолжалась до избрания на царство первого Романова, Михаила Федоровича, до 1613 года. В первых главах нашего исследования мы упоминали один из важнейших сакральных ритмов истории – цикл в 384 года (12 лет восточного календаря, умноженные на 32 года авестийского). Этот цикл тем более действенен, что почти точно включает в себя пять обращений кометы Галлея. Действительно, с 989 по 1986 год комета приближалась к земле 13 раз, так что средний ее цикл составляет 76,69 года, – умноженные на 5, они дают 383,5 года! Если мы прибавим теперь 384 к периоду 1603–1613 лет, то попадем как раз в 1987–1997 годы – время нашей Смуты, «перестройки», развала СССР и нескольких лет «полета над пропастью».

Как видно, дважды в нашей истории (в 1604 и 1986 годах) комета знаменовала начало **Смуты** в государстве; один раз,

в 989 году – **крещение Руси**; около 1380 года – **Куликовскую битву**.

В истории российской смуты нашего времени 1997 год оказался первым относительно спокойным, стабильным годом. В самом начале исследования мы видели, как сильно связана наша история и история христианства с древними календарными циклами, с ритмами «золотого века человечества», пронизывающими время из глубины тысячелетий до наших дней. Мы вычислили эти ритмы, – 960, 384, 96 лет.

Конечно, в истории действуют и другие ритмы: так называемые 60-летние «волны Кондратьева» (связанные не только с восточным календарем, но и с циклами Юпитера и Сатурна), 32-летние, 12-летние, 4-летние и другие циклы, – но мы исследуем хронологию более значительных отрезков истории и, кроме того, эти более короткие циклы входят в выделенные нами. Однако, пробуя применить эти ритмы к некоторым датам истории княжеской и царской, мы могли убедиться и в том, что для них эти ритмы не всегда подходят, и несколько раз события этого ряда определились числом 666.

Действительно, если мы возьмем даже последнее по времени важнейшее событие нашей истории, – развал СССР в 1991 году, – то, отнимая 666 лет, получим 1325 год, а это как раз год начала княжения Ивана Калиты, «собирателя русских земель», перенесшего столицу в Москву. Ранее мы видели также, что выбор князя Александра Невского в 1248 го-

ду между миром и войной с Ордой отстоит ровно на 666 лет от начала Первой мировой войны в 1914 году; Невский выбрал унижительный мир и, как считается многими, спас Россию, Николай II, несмотря на все его усилия, не смог предотвратить войну и потерял Россию. Между прочим, вернулся Александр Ярославич из Орды с ярлыком на княжение в 1251 году, – и ровно через 666 лет новая «орда» смела царскую власть в России, а место ярлыка татарского занял большевистский мандат. Впрочем, говоря здесь о том, что Александр Невский «спас Россию», мы оставляем за скобками вопрос о том, как после этого, под властью Орды, изменился сам народ и власть, перенявшая у Орды азиатские методы правления... Новая красная «орда» после 1917 года выжгла в совдепии и все европейское, и все самобытно русское, что было и успешно развивалось в России к 1917 году, особенно успешно и стремительно как раз в правление Николая II.

...История власти Рюриковичей тоже включает роковое число: от вокняжения первого Рюрика, Олега, в Киеве в 882 году до венчания на царство последнего Рюрика в 1547 году прошло почти 666 лет; можно найти и другие примеры. Как видно, князья мира сего издревле повязаны и сакральными ритмами «золотого века человечества», и апокалиптическим «числом зверя».

Литература

1. Андреев Д. Л. Изнанка мира. Поэма в прозе // Собрание сочинений в 3-х т. М.: Московский рабочий, 1993.
2. Асов А. Тайна Боровицкого холма // Наука и религия, № 10, 1997.
3. Байджент М., Лей Р., Линкольн Г. Священная загадка / Пер. с франц. СПб.: Кронверк-Принт, 1993.
4. Бунич И. Л. Второе пришествие в гневе. СПб.: Зенит, 2000.
5. Бунич И. Л. Династический рок. Киев: А.С.К.; СПб.: Облик, 1997.
6. Буссов Конрад. Московская хроника // Смута в московском государстве. М.: Современник, 1989.
7. Велесова книга / Пер. и коммент. А. И. Асова. М.: Метеджер, 1994.
8. Воробьевский Ю. Ю. Путь в Апокалипсис: шаг змеи. М.: Пресском, Яуза 2005.
9. Глоба П. П. Когда наступит день. Сакральный календарь древних ариев. Минск: АРБА, 1997.
10. Гордин Я. А. Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 1999.
11. Горсей Дж. Записки / Смута в московском государстве. М.: Современник, 1989.

12. Гримберг Ф. Династия Романовых. М.: Московский лицей, 1996.
13. Гримберг Ф. Рюриковичи. М.: Московский лицей, 1997.
14. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV веках. М.: Наука, 1978.
15. Диакон Лев. История. М.: Наука, 1988.
16. Дневник Марины Мнишек. М.: Дмитрий Буланин, 1995.
17. Иловайский Д. Новая династия. М.: Алгоритм, 1996.
18. Иудаизм в России. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1997.
19. Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России. СПб.: Планета, 1991.
20. Карпов А. Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 1997.
21. Лотман Ю. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. СПб.: Искусство СПб, 1995.
22. Маржерет Жак. Записки // Смута в московском государстве. М.: Современник, 1989.
23. Молин Ю. Тайны гибели великих. СПб.: НПО «Мир и семья», 1995.
24. Морозов Н. Д. Циклы истории. М.: АСТ, 2001.
25. Никитин В. Н. Взлет и падение Симона волхва. СПб.: Крисмас, 1997.
26. Пашуто В. Т. Александр Невский. М.: Молодая гвар-

дия, 1974.

27. Петроград и его святыни. Церковно-исторический очерк. Рукопись 1916 года. Репринт, 1993.

28. Платонов О. А. Жизнь за царя. СПб.: Воскресенье, 1996.

29. Платонов О. А. Массонский заговор в России. СПб.: Воскресенье, 1995.

30. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. СПб.: Наука, 1996.

31. Правда о кончине Александра II. Из записок очевидца. Штутгарт, 1912.

32. Радзинский Э. Распутин. М.: Вагриус, 2003.

33. Романов Б. С. Астро-Библос. Воронеж: Модек, 1997.

34. Романов Б. С. Мистические ритмы истории России. СПб.: БХВ-Петербург, 2011.

35. Симонов Р. Астрология эпохи реформ // Наука и религия, № 10, 1993.

36. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1983.

37. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. М.: Литературная газета, 1990.

38. Солженицын А. И. Красное колесо. Март Семнадцатого. М.: Воениздат, 1988.

39. Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб.: Российская Императорская Академия наук. Типография и хромофотография А. Траншеля, 1875.

40. Труайя А. Распутин / Пер. с фр. Ростов на Дону: Фе-

никс, 1997.

41. Учитель Я. М. Кто убил Федора Павловича Карамазова? // Звезда, № 12, 1996.

42. Чечельницкий А. М. Крещение Руси. Дубна: Феникс, 1995.

43. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1976. (Первое издание: «Les Epidemies et les perturbations electro-magnetiques du milieu exterieur» на французском языке, Париж, 1938.).